

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

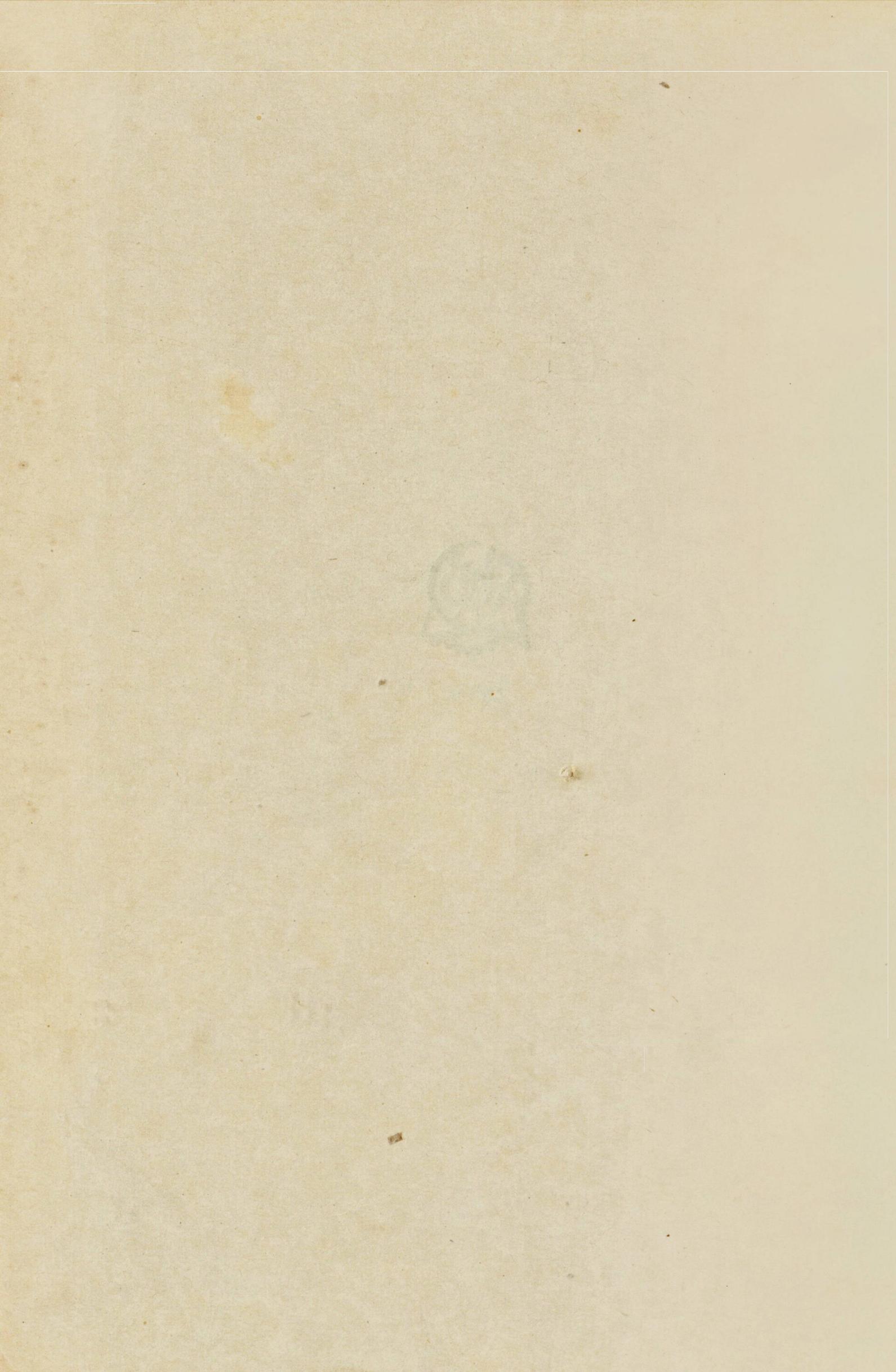

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

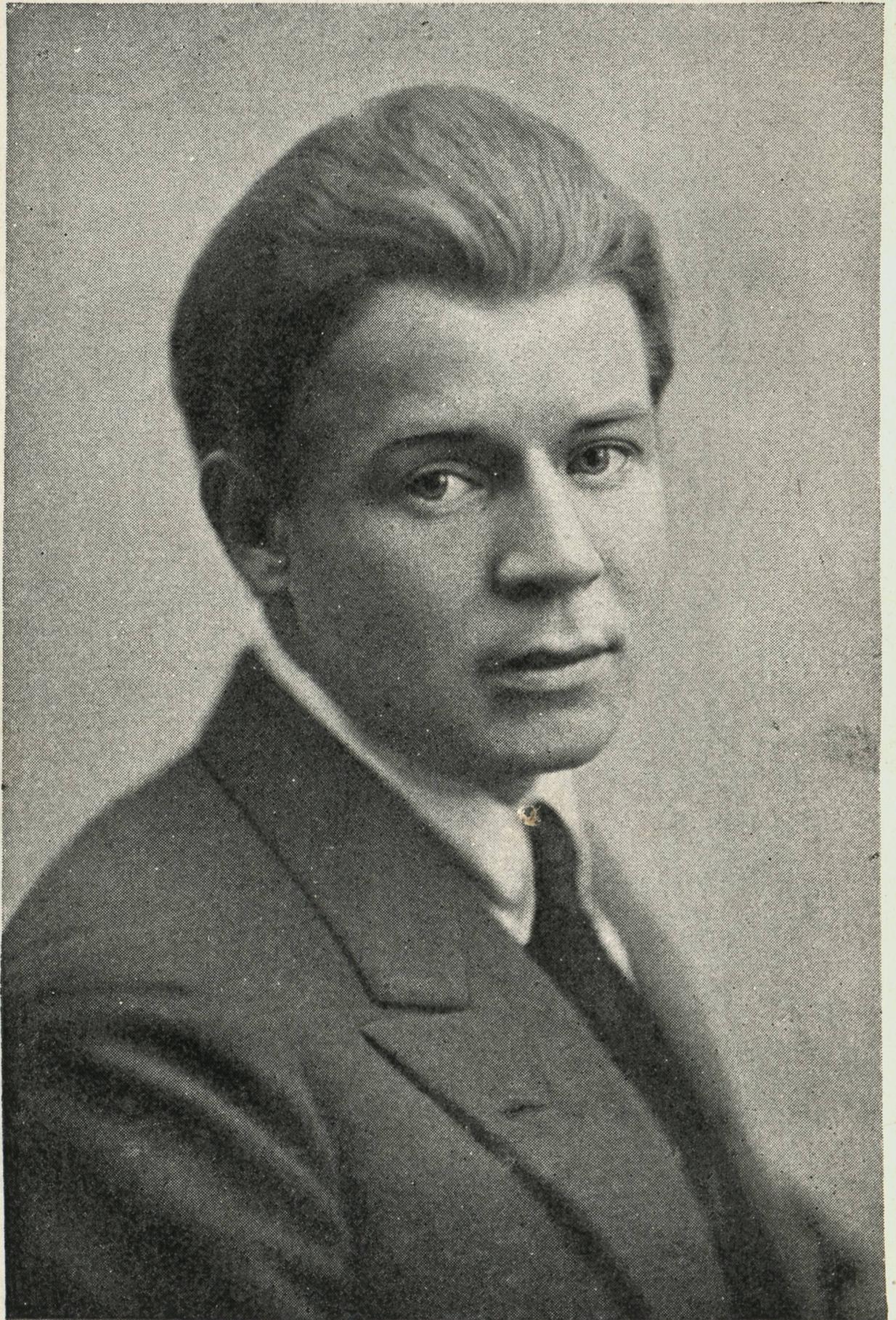

2045

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

МУК "РЯЗАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

МУЗЕЙ С.А. ЕСЕНИНА"

ГКК - 664

А071-160

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

МУК "РЯЗАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

МУЗЕЙ С.А. ЕСЕНИНА"

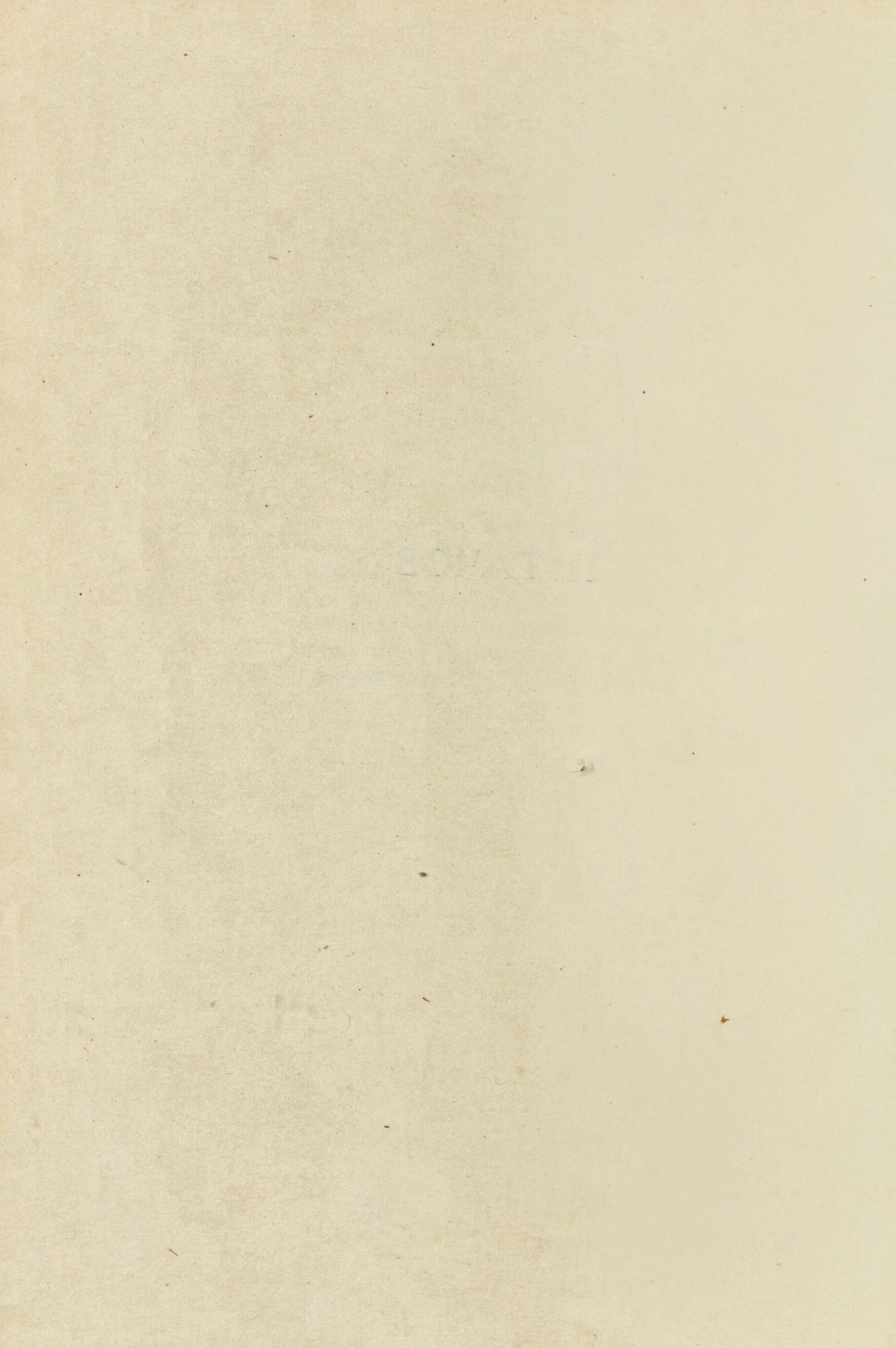
ГЧК - 664

А071-160

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в 1-й Образцовой
типографии Госиздата (Москва.
Пятницкая, 71) в колич. 10.000 экз.
Гиз № 15.561. Главлит № 55.284
Обложка Б. Б. Титова, гравирована
на дереве Ф. П. Денисовск м. Тех-
ническая редакция В. В. Гольцева.

ПУГАЧОВ

Анатолию Мариенгофу

I

ПОЯВЛЕНИЕ ПУГАЧОВА В ЯИЦКОМ ГОРОДКЕ

Пугачов

Ох, как устал и как болит нога!..
Ржот дорога в жуткое пространство.
Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?
Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.
Луна, как жолтый медведь,
В мокрой траве ворочается.
Наконец-то я здесь, здесь!

Рать врагов цепью волн распалась,
Не удалось им на осиновый шест
Водрузить головы моей парус.

Яик, Яик, ты меня звал
Стоном придавленной черни!
Пучились в сердце жабы глаза
Грустящей в закат деревни.
Только знаю я, что эти избы —
Деревянные колокола,
Голос их ветер хмарью съел.

О, помоги же, степная мгла,
Грозно свершить мой замысел!

Сторож

Кто ты, странник? Что бродишь долом?
Что тревожишь ты ночи гладь?
Отчего словно яблоко тяжелое
Виснет с шеи твоя голова?

Пугачов

В солончаковое ваше место
Я пришел из далеких стран, —

Посмотреть на золото телесное,
На родное золото славян.
Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живет здесь мудрый наш мужик?
Так же ль он в полях своих прилежно
Цедит молоко соломенное ржи?
Так же ль здесь, сломав зари застенки,
Гонится овес на водопой рысцой,
И на грядках, от капусты пенных,
Челноки ныряют огурцов?
Так же ль мирен труд домохозяек,
Слышен прялки ровный разговор?

Сторож

Нет, прохожий! С этой жизнью Яик
Раздружился с самых давних пор.

С первых дней, как оборвались вожжи,
С первых дней, как умер третий Петр,
Над капустой, над овсом, над рожью
Мы задаром проливаем пот.

Нашу рыбу, соль и рынок,
Чем сей край богат и рьян,
Отдала Екатерина
Под надзор своих дворян.

И теперь по всем окраинам
Стонет Русь от цепких лапищ.
Воском жалоб сердце Каина
К состраданью не окапишь.

Всех связали, всех вневолители,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем
С горла неба перерезанного.

Пугачов

Невеселое ваше житье.
Но скажи мне, скажи,
Неужель в народе нет суровой хватки
Вытащить из сапогов ножи
И всадить их в барские лопатки?

Сторож

Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая ноги трав?
Оттого, что стоит трава накорячках,
Под себя коренья подобрал.
И никуда ей, траве, не скрыться
От горячих зубов косы,

Потому что не может она, как птица,
Оторваться от земли в синь.
Так и мы! Вросли ногами крови в избы,
Что нам первый ряд подкошенной травы?
Только лишь до нас не добрались бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы.
Но теперь как будто пробудились,
И березами заплаканный наш тракт
Окружает, как туман от сырости,
Имя мертвого Петра.

Пугачов

Как Петра? Что ты сказал, старик?

. . . . .
Иль это взвыли в небе облака?

Сторож

Я говорю, что скоро грозный крик,
Который избы словно жаб влакал,
Сильней громов раскатится над нами.
Уже мятеж вздымает паруса.
Нам нужен тот, кто б первый бросил камень.

Пугачов

Какая мысль!

Сторож

О чом вздыхаешь ты?

Пугачов

Я положил себе зарок молчать до срока,

. . . . .
Клещи рассвета в небесах

Из пасти темноты

Выдергивают звезды, словно зубы,

А мне еще нигде вздремнуть не удалось.

Сторож

Я мог бы предложить тебе

Тюфяк свой грубый,

Но у меня в доме всего одна кровать,

И четверо на ней спит ребятишек.

Пугачов

Благодарю! Я в этом граде гость.

Дадут приют мне под любую крышей.

Прощай, старик!

Сторож

Храни тебя господь!

. . . . .
. . . . .

Русь, Русь! И сколько их таких,
Как в решето просеивающих плоть,
Из края в край в твоих просторах шляется?
Чей голос их зовет,
Вложив светильником им посох в пальцы?
Идут они, идут! Зеленый славя гул,
Купая тело в ветре и в пыли,
Как будто кто сослал их всех на каторгу
Вертеть ногами
Сей шар земли.

Но что я вижу?
Колокол луны скатился ниже,
Он, словно яблоко увянувшее, мал.
Благовест лучей его стал глух.

Уж на нашесте громко заиграл
В куриную гармонику петух.

II

БЕГСТВО КАЛМЫКОВ

Первый голос

Послушайте, послушайте, послушайте,
Вам не снился тележный свист?
Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проползло на Иргиз.
От российской чиновничьей неволи,
Оттого, что, как куропаток, их щипали
На наших лугах,
Потянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепах.

Второй голос

Только мы, только мы лишь медлим,
Словно страшен нам захлестнувший нас шквал.
Оттого-то шлет нам каждую неделю
Приказы свои Москва.
Оттого-то куда бы ни шел ты,
Видишь, как под усмирителей меч
Прыгают кошками жолтыми
Казацкие головы с плеч.

Кирпичников

Внимание! Внимание! Внимание!
Не будьте ж трусливы, как овцы,
Сюда едут на страшное дело вас сманивать
Траубенберг и Тамбовцев.

Казаки

К чорту! К чорту предателей!

.....

Тамбовцев

Сми - ирно - о!

Сотники казачьих отрядов,

Готовьтесь в поход!

Нынче ночью, как дикие звери,
Калмыки всем скопом орд
Изменили Российской империи
И угнали с собой весь скот.
Потопленную лодку месяца
Чаган выплескивает на берег дня.
Кто любит свое отечество,
Тот должен слушать меня.
Нет, мы не можем, мы не можем, мы не можем
Допустить сей ущерб стране:
Россия лишилась мяса и кожи,
Россия лишилась лучших коней.
Так бросимтесь же в погоню
На эту монгольскую мразь,
Пока она всеми ладонями
Китаю не предалась.

Кирпичников

Стой, атаман, довольно
Об ветер язык чесать,
За Россию нам, конечно, больно,
Оттого, что нам Россия мать.
Но мы ничуть, мы ничуть не испугались,
Что кто-то покинул наши поля,
И калмык нам не желтый заяц,

В которого можно, как в пищу, стрелять.
Он ушел, этот смуглый монголец,
Дай же бог ему добрый путь.
Хорошо, что от наших околиц
Он без боли сумел повернуть.

Траубенберг

Что это значит?

Кирпичников

Это значит то,
Что, если б
Наши избы были на колесах,
Мы впрягли бы в них своих коней
И гужом с солончаковых плесов
Потянулись в золото степей.
Наши б кони, длинно выгнув шеи,
Стадом черных лебедей
По водам ржи
Понесли нас, буйно хорошея,
В новый край, чтоб новой жизнью жить.

К а з а к и

Замучили! Загрызли, прохвосты!

Тамбовцев

Казачи! Вы целовали крест!
Вы клялись...

Кирпичников

Мы клялись, мы клялись Екатерине
Быть оплотом степных границ,
Защищать эти пастбища синие
От налета разбойных птиц.
Но скажите, скажите, скажите,
Разве эти птицы не вы?
Наших пашен суровых житель
Не найдет где прикрыть головы.

Траубенберг

Это измена!..
Связать его! Связать!

Кирпичников

Казачи, час настал!
Приветствую тебя, мятеж свирепый!
Что не могли в словах сказать уста,
Пусть пулями расскажут пистолеты.

Стреляет. Траубенберг падает мертвым. Конвойные разбегаются. Казачи хватают лошадь Тамбовцева под уздцы и стаскивают его на землю.

Голоса

Смерть! Смерть тирану!

Тамбовцев

О, господи! Ну что я сделал?

Первый голос

Мучил, злодей, три года,
Три года, как коршун белый,
Ни проезда не давал, ни прохода.

Второй голос

Откушай похлебки мятелицы.
Отгулял, отстегал и отхвастал.

Третий голос

Чорта ли с ним канителиться?

Четвертый голос

Повесить его — и баста!

Кирпичников

Пусть знает, пусть слышит Москва —
На расправы ее мы взбыстрим.
Это только лишь первый раскат,
Это только лишь первый выстрел.
Пусть помнит Екатерина,
Что если Россия пруд —
То черными лягушками в тину
Пушки мечут стальную икру.
Пусть носится над страной,
Что казак не ветла на прогоне
И в луны мешок травяной
Он башку незадаром сронит.

III

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ

К а р а в а е в

Тысячу чертей, тысячу ведьм и тысячу дьяволов!
Экий дождь! Экий скверный дождь!
Скверный, скверный!
Словно вонючая моча волов
Льется с туч на поля и деревни.
Скверный дождь!

Экий скверный дождь!
Как скелеты тощих журавлей,
Стоят ошипанные вербы,
Плава ребер медь.

Уж золотые яйца листьев на земле
Им деревянным брюхом не согреть,
Не вывести птенцов — зеленых вербенят;
По горлу их скользнул сентябрь, как нож,
И кости крыл ломает на щебняк
Осенний дождь.
Холодный, скверный дождь!
О, осень, осень!
Голые кусты,
Как оборванцы, мокнут у дорог.
В такую непогоду собаки, сжав хвосты,
Боятся головы просунуть за порог,
А тут вот стой, хоть сгинь,
Но тьму глазами ешь,
Чтоб не пробрался вражеский лазутчик.
Проклятый дождь!
Расправу за мятеж
Напоминают мне рыгающие тучи.
Скорей бы, скорей в побег, в побег
От этих кровью выдоенных стран.
С объятями нас принимает всех
С Екатериною воюющий султан.
Уже стекается придушенная чернь
С озиркой, словно полевые мыши.
О, солнце-колокол, твое тили-ли-день,
Быть может, здесь мы больше не услышим!

Но что там? Кажется, шаги.

Шаги... Шаги...

Эй, кто идет? Кто там идет?

Пугачов

Свой... свой...

Караваев

Кто свой?

Пугачов

Я, Емельян.

Караваев

А, Емельян, Емельян, Емельян!

Что нового в этом мире, Емельян?

Как тебе нравится этот дождь?

Пугачов

Этот дождь на счастье богом дан,

Нам на-руку, чтоб он хлестал всю ночь.

Караваев

Да, да! Я тоже так думаю, Емельян.

Славный дождь! Замечательный дождь!

Пугачов

Нынче вечером, в темноте скрываясь,

Я правительственные посты осмотрел.

Все часовые попрятались, как зайцы,
Боясь замочить шинели.

Знаешь? Эта ночь, если только мы выступим,
Не кровью, а зарею окрасила б наши ножи,
Всех бы солдат без единого выстрела
В сонном Яике мы могли уложить...

Завтра ж к утру будет ясная погода,
Сивым табуном проскачет хмарь.

Слушай, ведь я из простого рода
И сердцем такой же степной дикарь!
Я умею, на сутки и версты не трогаясь,
Слушать бег ветра и твари шаг,
Оттого, что в груди у меня, как в берлоге,
Ворочается зверенышем теплым душа.

Мне нравится запах травы, холодом подошженной,
И сентябрьского листоleta протяжный свист.

Знаешь ли ты, что осенью медвежонок
Смотрит на луну,

Как на вьющийся в ветре лист?

По луне его учит мать

Мудрости своей звериной,

Чтобы смог он, дурашливый, знать

И призванье свое и имя.

. . . . .
Я значенье мое разгадал...

К а р а в а е в

Тебе ж недаром верят!

П у г а ч о в

Долгие, долгие тяжкие года
Я учил в себе разуму зверя.
Знаешь? Люди ведь все со звериной душой,—
Тот медведь, тот лиса, та волчица,
А жизнь — это лес большой,
Где заря красным всадником мчится.
Нужно крепкие, крепкие иметь клыки.

К а р а в а е в

Да, да! Я тоже так думаю, Емельян...
И если б они у нас были,
То московские полки
Нас не бросали, как рыб, в Чаган.
Они б побоялись нас жать
И карать так легко и просто
За то, что в чаду мятежа
Убили мы двух прохвостов.

П у г а ч о в

Бедные, бедные мятежники!
Вы цвели и шумели, как рожь.

Ваши головы колосьями нежными
Раскачивал июльский дождь.
Вы улыбались тварям...

.....

Послушай, да ведь это ж позор,
Чтоб мы этим поганым харям
Не смогли отомстить до сих пор?
Разве это когда прощается,
Чтоб с престола какая-то блядь
Протягивала солдат, как пальцы,
Непокорную чернь умерщвлять!
Нет, не могу, не могу!
К чорту султана с туретчиной —
Только на радость врагу
Этот побег опрометчивый.
Нужно остаться здесь!
Нужно остаться, остаться,
Чтобы вскипела месть
Золотою пургой акаций,
Чтоб пролились ножи
Железными струями люто!
Слушай! Бросай сторожить,
Беги и буди весь хутор.

IV

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ТАЛОВОМ УМЕТЕ

Оболяев

Что случилось? Что случилось? Что случилось?

Пугачов

Ничего страшного. Ничего страшного. Ничего
страшного.

Там на улице жолклая сырость
Гонит туман, как стада барашковые.

Мокрою цаплей по лужам полей бороздя,
Ветер заставил все живое,
Как жаб по их гнездам, скрыться,

И только порою,
Привязанная к нитке дождя,
Черным крестом в воздухе
Проболтнется шальная птица.
Это осень, как старый оборванный монах,
Пророчит кому-то о гибели веще

.....

Послушайте, для наших благ
Я придумал кой-что похлеще.

К а р а в а е в

Да, да. Мы придумали кой-что похлеще.

П у г а ч о в

Знаете ли вы,
Что по черни ныряет весть,
Как по гребням волн лодка с парусом низким?
По-звериному любит мужик наш на корточки сесть
И сосать эту весть, как коровьи большие сиськи.
От песков Джигильды до Алатыря
Эта весть о том,
Что какой-то жестокий поводырь
Мертвую тень императора
Ведет на российскую ширь.
Эта тень с веревкой на шее безмясой,

Отвалившуюся челюсть теребя,
Скрипящими ногами приплясывая,
Идет отомстить за себя,
Идет отомстить Екатерине,
Подымая руку, как жолтый кол,
За то, что она с сообщниками своими,
Разбив белый кувшин
Головы его,
Взошла на престол.

Оболяев

Это только веселая басня!
Ты, конечно, не за этим пришел,
Чтоб рассказать ее нам?

Пугачов

Напрасно, напрасно, напрасно
Ты так думаешь, брат Степан.

Караваев

Да, да! По-моему, тоже напрасно.

Пугачов

Разве важно, разве важно, разве важно,
Что мертвые не встают из могил?
Но зато кой-где почву безвлажную

Этот слух словно плугом взрыл.
Уже слышится благовест бунтов,
Рев крестьян оглашает зенит,
И кустов деревянный табун
Безлиственной ковкой звенит.
Что ей Петр? — злой и дикой ораве? —
Только камень желанного случая,
Чтобы колья погромные правили
Над теми, кто грабил и мучил.
Каждый платит за лепту лептою,
Мечь щенками кровавыми щенится.
Кто же скажет, что это свирепствуют
Бродяги и отщепенцы?
Это буйствуют россияне!
Я ж хочу научить их под хохот сабель
Обтянуть тот зловещий скелет парусами
И пустить его по безводным степям,
Как корабль.

А за ним
По курганам синим
Мы живых голов двинем бурливый флот.

.....
.....

Послушайте! Для всех отныне
Я — император Петр!

К а з а к и

Как, император?

Оболяев

Он с ума сошел!

Пугачов

Ха-ха-ха!

Вас испугал могильщик,
Который, череп разложив как горшок,
Варит из медных монет щи,
Чтоб похлебать в чорный срок.
Я стращать мертвецом вас не стану,
Но должны ж вы, должны понять,
Что этим кладбищенским планом
Мы подыдем монгольскую рать!
Нам мало того простолюдства,
Которое в нашем краю,
Пусть калмык и башкирец бьются
За бараньи костры средь юрт!

Зарубин

Это верно, это верно, это верно!
Кой нам чорт умышлять побег?
Лучше здесь всем им головы скверные
Обломать, как колеса с телег.

Будем крыть их ножами и матом,
Кто без сабли — так бей кирпичом!
Да здравствует наш император,
Емельян Иванович Пугачов!

Пугачов

Нет, нет, я для всех теперь
Не Емельян, а Петр...

Караваев

Да, да, не Емельян, а Петр...

Пугачов

Братья, братья, ведь каждый зверь
Любит шкуру свою и имя...
Тяжко, тяжело моей голове
Опушать себя чуждым инеем.
Трудно сердцу светильником мести
Освещать корявые чаши.
Знайте, в мертвое имя влезть —
То же, что в гроб смердящий.
Больно, больно мне быть Петром,
Когда кровь и душа Емельянова.
Человек в этом мире не бревенчатый дом,

Не всегда перестроишь наново...

Но... к чорту все это, к чорту!

Прочь, жалость телячьих нег!

Нынче ночью в половине четвертого

Мы устроить должны набег.

V

УРАЛЬСКИЙ КАТОРЖНИК

Хлопуша

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.
Я три дня и три ночи искал ваш умет,
Тучи с севера сыпались каменной грудой.
Слава ему! Пусть он даже не Петр,
Чернь его любит за буйство и удаль.
Я три дня и три ночи блуждал по тропам,
В солонце рыл глазами удачу,
Ветер волосы мои, как солому, трепал
И цепами дождя обмолачивал.

Но озлобленное сердце никогда не заблудится,
Эту голову с шеи сшибить нелегко.
Оренбургская заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот молоко.
И холодное корявое вымя сквозь тьму
Прижимал я, как хлеб, к истощенным векам.
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.

З а р у б и н

Кто ты? Кто? Мы не знаем тебя!
Что тебе нужно в нашем лагере?
Отчего глаза твои,
Как два цепных кобеля,
Беспокойно ворочаются в соленой влаге?
Что пришел ты ему сообщить?
Злое ль, доброе ль светится из пасти вспурга?
Прорубились ли в Азию бунтовщики?
Иль, как зайцы, бегут от Оренбурга?

Х л о п у ш а

Где он? Где? Неужель его нет?
Тяжелее, чем камни, я нес мою душу.
Ах, давно, знать, забыли в этой стране
Про отчаянного негодяя и жулика Хлопушу.

Смейся, человек!
В ваш хмурый стан
Посылаются замечательные разведчики.
Был я каторжник и арестант,
Был убийца и фальшивомонетчик,

Но всегда ведь, всегда ведь, рано ли, поздно ли,
Расставляет расплата капканы терний.
Заковали в колодки и вырвали ноздри
Сыну крестьянина Тверской губернии.
Десять лет,
Понимаешь ли ты, десять лет
То острожничал я, то бродяжил.
Это теплое мясо носил скелет
На общипку, как пух лебяжий.

Чорта ль с того, что хотелось мне жить?
Что жестокостью сердце устало хмуриться?
Ах, дорогой мой,
Для помещика мужик —
Все равно что овца, что курица.
Ежедневно молясь на зари жолтый гроб,
Кандалы я сосал голубыми руками...
Вдруг... три ночи назад... губернатор Рейнсдорп,
Как сорвавшийся лист,
Взлетел ко мне в камеру...

„Слушай, каторжник!

(Так он сказал)

Лишь тебе одному поверю я.

Там, в ковыльных просторах ревет гроза,

От которой дрожит вся империя,

Там какой-то пройдоха, мошенник и вор

Вздумал вздыбить Россию ордой грабителей.

И дворянские головы сечет топор —

Как березовые купола

В лесной обители.

Ты, конечно, сумеешь всадить в него нож?

(Так он сказал, так он сказал мне)

Вот за эту услугу ты свободу найдешь

И в карманах зазвякает серебро, а не камни“.

Уж три ночи, три ночи, пробиваясь сквозь тьму,

Я ищу его лагерь, и спросить мне некого.

Проведите ж, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека!

З а р у б и н

Странный гость.

П о д у р о в

Подозрительный гость.

З а р у б и н

Как мы можем тебе довериться?

Подуров

Их немало, немало, за червонцев горсть
Готовых пронзить его сердце.

Хлопуша

Ха-ха-ха!

Это очень неглупо,

Вы надежный и крепкий щит.

Только весь я до самого пупа —

Местью вскормленный бунтовщик.

Каплет гноем смола прогорклая

Из разодранных ребер изб.

Завтра ж ночью я выбегу волком

Человеческое мясо грызть.

Все равно ведь, все равно ведь, все равно ведь,

Не сожрешь — так сожрут тебя ж.

Нужно вечно держать наготове

Эти руки для драки и краж.

Верьте мне!

Я пришел к вам как друг.

Сердце радо в пурге расколотся,

Оттого, что без Хлопуши

Вам не взять Оренбург

Даже с сотней лихих полководцев.

З а р у б и н

Так открой нам, открой, открой
Тот план, что в тебе хоронится?

П о д у р о в

Мы сейчас же, сейчас же пошлем тебя в бой
Командиром над нашей конницей.

Х л о п у ш а

Нет!

Хлопуша не станет биться.

У Хлопуши другая мысль.

Он хотел бы, чтоб гневные лица

Вместе с злобой умом налились.

Вы бесстрашны, как хищные звери,

Грозен лязг ваших битв и побед,

Но ведь все ж у вас нет артиллерии?

Но ведь все ж у вас пороху нет?

Ах, в башке моей, словно в бочке,

Мозг, как спирт, хлебной едкостью лют.

Знаю я, за Сакмарой рабочие

Для помещиков пушки льют.

Там найдется и порох, и ядра,

И наводчиков зоркая рать,
Только надо сейчас же, не откладывая,
Всех крестьян в том краю взбунтовать.
Стыдно медлить здесь, стыдно медлить,
Гнев рабов — не кобылий фырк...

Так давайте же по липовой меди
Трахнем вместе к границам Уфы.

VI

В СТАНЕ ЗАРУБИНА

Зарубин

Эй, ты, люд честной да веселый,
Забубенная трын-трава,
Подружилась с твоими селами
Скуломордая татарва.
Свищут кони, как вихри, по полю,
Только взглянешь — и след простыл.
Месяц, жолтыми крыльями хлопая,
Раздирает, как ястреб, кусты.
Загляжусь я по ровной голи
В синью стынущие луга,
Не березовая ль то Монголия?
Не кибитки ль киргиз стога?..

Слушай, люд честной, слушай, слушай
Свой кочевнический пересвист!
Оренбург, осажденный Хлопушей,
Ест лягушек, мышей и крыс.
Треть страны уже в наших руках,
Треть страны мы как войско выставили.
Нынче ж в ночь потеряет враг
По Приволжью все склады и пристани.

Ш и г а е в

Стоп, Зарубин!
Ты, наверное, не слышал,
Это видел не я...
Другие...
Многие...
Около Самары с пробитой башкой ольха,
Капая жолтым мозгом,
Прихрамывает при дороге.
Словно слепец, от ватаги своей отстав,
С гнусавой и хриплой дрожью
В рваную шапку вороньего гнезда
Просит она на пропитанье
У проезжих и у прохожих.
Но никто ей не бросит даже камня.
В испуге крестясь на звезду,

Все считают, что это страшное знамение,
Предвещающее беду.
Что-то будет.
Что-то должно случиться.
Говорят, наступит глад и мор,
По сту раз на лету будет склевывать птица
Желудочное свое серебро.

Т о р н о в

Да-да-да!
Что-то будет!
Повсюду
Воют слухи, как псы у ворот,
Дует в души суровому люду
Ветер сырью и вонью болот.
Быть беде!
Быть великой потере!
Знать, не зря с луговой стороны
Луны лошадиный череп
Каплет золотом сгнившей слюны.

З а р у б и н

Врете! Врете вы,
Нож вам в спины!
С детства я не видал в глаза,
Чтоб от этакой чертовщины
Хуже бабы дрожал казак.

Шигаев

Не дрожим мы, ничуть не дрожим!
Наша кровь — не башкирские хляби.
Сам ты знаешь ведь, чьи ножи
Пробивали дорогу в Челябинск.
Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто разбил на-голо Сарапуль.
Столько мух не сидело у тебя на носу,
Сколько пуль в наши спины вцарапали.
В стужу ль, в сырость ли,
В ночь или днем —
Мы всегда наготове к бою,
И любой из нас больше дорожит конем,
Чем разбойной своей головою.
Но кому-то грозитя, грозитя беда,
И ее ль казаку не слышать?
Посмотри, вон сидит дымовая труба,
Как наездник, верхом на крыше.
Вон другая, вон третья,
Не счесть их рыл
С заливчатской тоской остолопов,
И весь дикий табун деревянных кобыл
Мчится, пылью клубя, галопом.
Ну куда ж он? Зачем он?
Каких дорог

Оголтелые всадники ищут?
Их стегает, стегает переполох
По стеклянным глазам кнутовищем.

З а р у б и н

Нет, нет, нет!
Ты не понял...
То слышится звань,
Звань к оружию под каждой оконницей.
Знаю я, нынче ночью идет на Казань
Емельян со свирепой конницей.
Сам вчера, от восторга едва дыша,
За горой в предрассветной мгле
Видел я, как тянулись за Черемшан
С артиллерией тыщи телег.
Так торжественно с хрипом колесным обоз
По дорожным камням грохотал,
Рев верблюдов сливался с блеянием коз
И с гортанною речью татар.

Т о р н о в

Что ж, мы верим, мы верим.
Быть может,
Как ты мыслишь, все так и есть;
Голос гнева, с бедою схожий,
Нас сзывает на страшную месть.

Дай бог!

Дай бог, чтоб так и случилось.

Зарубин

Верьте, верьте!

Я вам клянусь!

Не беда, а неожиданная радость

Упадет на мужицкую Русь.

Вот вззвенел, словно сабли о панцыри,

Синий сумрак над ширью равнин.

Даже рощи,

И те повстанцами

Подымают хоругви рябин.

Зреет, зреет веселая сеча.

Взвоят в небо кровавый туман.

Гулом ядер и свистом картечи

Будет завтра их крыть Емельян.

И чтоб бунт наш гремел безысходней,

Чтоб вконец не сосала тоска, —

Я сегодня ж пошлю вас, сегодня

На подмогу его войскам.

VII

ВЕЧЕР КАЧАЕТ РОЖЬ

Чумаков

Что это? Как это? Неужель мы разбиты?
Сумрак голодной волчицей выбежал кровь зари
лакать.

О, эта ночь! Как могильные плиты,
По небу тянутся каменные облака.
Выйдешь в поле, зовешь, зовешь,
Кличешь старую рать, что легла под Сарептой,
И глядишь и не видишь, — то ли зыбится рожь,
То ли желтые полчища пляшущих скелетов.
Нет, это не август, когда осыпаются овсы,
Когда ветер по полям их колотит дубинкой грубой.

Мертвые, мертвые, посмотрите, кругом мертвецы,
Вон они хохочут, выплевывая сгнившие зубы.
Сорок тысяч нас было, сорок тысяч,
И все сорок тысяч за Волгой легли, как один.
Даже дождь так не смог бы траву иль солому вы-
сечь,
Как осыпали саблями головы наши они.

Что это? Как это? Куда мы бежим?
Сколько здесь нас в живых осталось?
От горящих деревень бьющий лапами в небо дым
Расстиляет по земле наш позор и усталость.
Лучше б было погибнуть нам там и лечь,
Где кружит воронье беспокойным, зловещим свадь-
бищем,
Чем струить эти пальцы пятерками пылающих свеч,
Чем нести это тело с гробами надежд, как клад-
бище!

Бурнов

Нет! Ты не прав, ты не прав, ты не прав!
Я сейчас чувством жизни, как никогда, болен.
Мне хотелось бы, как мальчишке, кувыркатся по
золоту трав
И сшибать черных галок с крестов голубых коло-
колен.

Все, что отдал я за свободу черни,
Я хотел бы вернуть и поверить снова:
Что вот эту луну,
Как керосиновую лампу в час вечерний,
Зажигает фонарщик из города Тамбова.
Я хотел бы поверить, что эти звезды — не звезды,
Что это — жолтые бабочки, летящие на лунное
пламя...

Друг!..

Зачем же мне в душу ты ропотом слезным
Бросаешь, как в стекла часовни камнем?

Чумаков

Что жалеть тебе смрадную холодную душу,
Околевшего медвежонка в тесной берлоге?
Знаешь ли ты, что в Оренбурге зарезали Хлопушу?
Знаешь ли ты, что Зарубин в Табинском остроге?
Наше войско разбито вконец Михельсоном,
Калмыки и башкиры удрали к Аральску в Азию.
Не с того ли так жалобно
Суслики в поле притоптанном стонут,
Обрызгивая мертвые головы, как кленовые листья,
грязью?
Гибель, гибель стучит по деревням в колотушку.
Кто ж спасет нас? Кто даст нам укрыться?

Посмотри! Там опять, там опять за опушкой
В воздух крылья крестами бросают крикливые
птицы.

Бурнов

Нет, нет, нет! Я совсем не хочу умереть!
Эти птицы напрасно над нами вьются.
Я хочу снова отроком, отряхая с осинника медь,
Подставляя ладони, как белые скользкие блюда.
Как же смерть?
Разве мысль эта в сердце поместится,
Когда в Пензенской губернии у меня есть свой дом?
Жалко солнышко мне, жалко месяц,
Жалко тополь над низким окном.
Только для живых ведь благословенны
Рощи, потоки, степи и зеленыя.
Слушай, плевать мне на всю вселенную,
Если завтра здесь не будет меня!
Я хочу жить, жить, жить,
Жить до страха и боли!
Хоть карманником, хоть золоторотцем,
Лишь бы видеть, как мыши от радости прыгают в поле,
Лишь бы слышать, как лягушки от восторга поют
в колоде.
Яблоновым цветом брызжется душа моя белая,
В синее пламя ветер глаза раздул.

Ради Бога, научите меня,
Научите меня, и я что угодно сделаю,
Сделаю что угодно, чтоб звенеть в человеческом
саду!

Творогов

Стойте! Стойте!

Если б знал я, что вы не трусливы,

То могли б мы спастись без труда.

Никому б не открыли наш заговор безъязыкие ивы,

Сохранила б молчанье одинокая в небе звезда.

Не пугайтесь!

Не пугайтесь жестокого плана —

Это не тяжелее, чем хруст ломаемых в теле костей.

Я хочу предложить вам:

Связать на заре Емельяна

И отдать его в руки грозящих нам смертью властей.

Чумаков

Как, Емельяна?

Бурнов

Нет! Нет! Нет!

Творогов

Хе-хе-хе!

Вы глупее, чем лошади!

Я уверен, что завтра ж,

Лишь золотом плюнет рассвет,
Вас развешат солдаты, как туш, на какой-нибудь
площади.

И дурак тот, дурак, кто жалеть будет вас,
Оттого, что сами себе вы придумали тернии.
Только раз ведь живем мы, только раз!
Только раз светит юность, как месяц в родной
губернии.

Слушай, слушай, есть дом у тебя на Суре,
Там в окно твое тополь стучится багряными листьями,
Словно хочет сказать он хозяину в хмурой октябрь-
ской поре,
Что изранила его осень холодными меткими вы-
стрелами.

Как же сможешь ты тополю помочь?
Чем залечишь ты его деревянные раны?
Вот такая же жизни осенняя гулкая ночь
Общипала, как тополь зубами дождей, Емельяна.

Знаю, знаю, весной, когда лает вода,
Тополь снова покроется мягкой зеленой кожей.
Но уж старые листья на нем не взойдут никогда —
Их растащит зверье и потопчут прохожие.
Что мне в том, что сумеет Емельян скрыться в Азию?
Что, набравши кочевников, может снова удариться
в бой?

Все равно ведь и новые листья падут и покроются
грязью.

Слушай, слушай, мы старые листья с тобой!
Так чего ж нам качаться на голых корявых ветвях?
Лучше оторваться и броситься в воздух кружиться,
Чем лежать и струить золотое гниенье в полях,
Чем глаза твои выключают черные хищные птицы.
Тот, кто хочет за мной — в добрый час!
Нам башка Емельяна — как чолн
Потопающим в дикой реке...

Только раз ведь живем мы, только раз!
Только раз славит юность, как парус, луну вдалеке.

VIII

КОНЕЦ ПУГАЧОВА

Пугачов

Вы с ума сошли! Вы с ума сошли! Вы с ума сошли!
Кто сказал вам, что мы уничтожены?
Злые рты, как с протухшею пищею кошки,
Зловонно рыгают бесстыдной ложью.
Трижды проклят тот трус, негодяй и злодей,
Кто сумел окормить вас такою дурью.
Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мною в Гурьев.
Да, я знаю, я знаю, мы в страшной беде,
Но затем-то и злей над туманною вязью
Деревянными крыльями по каспийской воде

Наши лодки заплещут, как лебеди, в Азию.
О, Азия, Азия! Голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и известкой.
Там так медленно по небу едет луна,
Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой.
Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
Скачут там шерстожелтые горные реки!
Не с того ли так свищут монгольские орды
Всем тем диким и злым, что сидит в человеке?

Уж давно я, давно я скрывал тоску
Перебраться туда к их кочующим станам,
Чтоб разящими волнами их сверкающих скул
Стать к преддверьям России, как тень Тамерлана.
Так какой же мошенник, прохвост и злодей
Окормил вас бесстыдной трусливой дурью?
Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мною в Гурьев.

Крямин

О, смешной! о, смешной! о, смешной Емельян!
Ты все такой же сумасбродный, слепой и вкрад-
чивый;
Расплескалась удаль твоя по полям,
Не вскипеть тебе больше ни в какой азиатчине.

Знаем мы, знаем твой монгольский народ,
Нам ли храбрость его не известна?
Кто же первый, кто первый, как не этот сброд
Под Сакмарой ударился в бегство?
Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
Выбирала для жертвы самых слабых и меньших,
Только б грабить и жечь ей пограничную Русь
Да привязывать к седлам добычей женщин,
Ей всегда был приятней набег и разбой,
Чем суровые походы с житейской хмурью.

.....
Нет, мы больше не можем идти за тобой,
Не хотим мы ни в Азию, ни на Каспий, ни в Гурьев.

Пугачов

Боже мой, что я слышу?
Казак, замолчи!
Я заткну твою глотку ножом иль выстрелом...
Неужели и вправду отзвенели мечи?
Неужель это плата за все, что я выстрадал?
Нет, нет, нет, не поверю, не может быть!
Не на то вы возрастали в степных станицах,
Никакие угрозы суровой судьбы
Не должны вас заставить смириться.
Вы должны разжигать еще больше тот взвой,

Когда ветер мятежами с наших стран дул...
Смело ж к Каспию! Смело за мной!
Эй, вы, сотники, слушать команду!

Крямин

Нет! Мы больше не слуги тебе!
Нас не взманит твое сумасбродство.
Не хотим мы в ненужной и глупой борьбе
Лечь, как толпы других, по погостам.
Есть у сердца невзгоды и тайный страх
От кровавых раздоров и стонов.
Мы хотели б, как прежде, в родных хуторах
Слушать шум тополей и кленов.
Есть у нас роковая зацепка за жизнь,
Что прочнее канатов и проволок...
Не пора ли тебе, Емельян, сложить
Перед властью мятежную голову?!
Все равно то, что было, назад не вернешь,
Знать, недаром листвою октябрь заплакал...

Пугачов

Как? Измена?
Измена?
Ха-ха-ха!..

Ну, так что ж!
Получай же награду свою, собака!

Стреляет. Крямин падает мертвым. Казаки с криком обнажают сабли. Пугачов, отмахиваясь кинжалом, пятится к стене.

Голоса

Вяжите его! Вяжите!

Творогов

Бейте! Бейте прямо саблей в морду!

Первый голос

Натерпелись мы этой прыти...

Второй голос

Тащите его за бороду...

Пугачов

...Дорогие мои... Хор-рошие...
Что случилось? Что случилось? Что случилось?
Кто так страшно визжит и хохочет
В придорожную грязь и сырость?
Кто хихикает там исподтишка,
Злобно отплевываясь от солнца?

.....

...Ах, это осень!
Это осень вытряхивает из мешка
Чеканенные сентябрем червонцы.
Да! Погиб я!
Приходит час...
Мозг, как воск, каплет глухо, глухо...
...Это она!
Это она подкупила вас,
Злая и подлая оборванная старуха.
Это она, она, она,
Разметав свои волосы зарею зыбкой,
Хочет, чтоб сгибла родная страна
Под ее невеселой холодной улыбкой.

Творогов

Ну, рехнулся... чего ж глазеть?
Вяжите!
Чай, не выбьет стены головою.
Слава богу! конец его зверской резне,
Конец его злобному волчьему вою.
Будет ярче гореть теперь осени медь,
Мак зари черпаками ветров не выхлестать.
Торопитесь же!
Нужно скорей поспеть
Передать его в руки правительства.

Пугачов

Где ж ты? Где ж ты, бывшая мощь?
Хочешь встать — и рукою не можешь двинуться!
Юность, юность! Как майская ночь,
Отзвенела ты черемухой в степной провинции.
Вот всплывает, всплывает синь ночная над Доном,
Тянет мягкою гарью с сухих перелесиц,
Золотою известкой над низеньким домом
Брызжет широкий и теплый месяц.
Где-то хрипло и нехотя кукарекнет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица.
И все дальше, все дальше, встревоживши сонный
луг,
Бежит колокольчик, пока за горой не расколется.
Боже мой!
Неужели пришла пора?
Неужели под душой так же падаешь, как под ношей?
А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...

1921

март — август.

АННА СНЕГИНА

ALBERTO ALBA

1

— Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.

Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,

По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.

Оброки платили мы к сроку,
Но грозный судья — старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягот.
Раз — власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.

Но люди — все грешные души.
У многих глаза — что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое —
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий, —
Была бы душа жива.

Отговорилъ рече Золотая
Борозвы велики языкомъ
и не трави печалью крошею
Уте не палеши Завше ни окомъ.

Кого палеши? Веди кинжи с лице страники
А рои доет, Золотая, и внови покинри дои
О всеи ушедшихъ тразитъ конопидиникъ
С ширекиа дредзелъ надъ голубымъ прудомъ.

Стои одинъ среди равнины голои
А не травиши отъ нисий ветеръ вдуши
Молни зраи о Юкостинъ
~~А не травиши~~ веселой

Но ачешо въ прошедшемъ мне не трави.

Не травиши мне ~~дои~~ разитрошкыи не травиши

Не травиши ~~дои~~ ~~дои~~ ~~дои~~
Хорошо зраи сениевую зветъ
не травиши турити не трави рабини красной

Но ачешо не травиши онъ сограи

1
Не ачешо ачешо ачешо
Отъ ачешо ачешо ачешо
Кои дредзелъ дредзелъ дредзелъ
Токъ ачешо ачешо ачешо

и Если бреша вонра пошешая
Свешаи ачешо ачешо ачешо
Скитиши ачешо ачешо ачешо

~~Отговорилъ рече Золотая~~
~~Борозвы велики языкомъ~~
~~и не трави печалью крошею~~
~~Уте не палеши Завше ни окомъ.~~

Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.

В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как ахнет! —
И сразу убил старшину.
На нашей быдластой сходке
Мы делу условили ширь.
Судили. Забили в колодки
И десять услали в Сибирь.
С тех пор и у нас неуряды.
Скатилась со счастья вожжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар.

Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.

Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я — игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе „липу“ ¹⁾ и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год.

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смердном огне
Тогда над страной калифствовал
Керенский на белом коне.
Война „до конца!“, „до победы!“.
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу —
Был первый в стране дезертир.

---

¹⁾ „Липа“ — подложный документ.

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
— Ну, вот оно, наше Радово, —
Промолвил возница, —
Здесь!

Недаром я лошади вкладывал
За норов ее и спесь.
Позволь, гражданин, на чайшко.
Вам к мельнику надо?
Так вон!..

Я требую с вас без излишка
За дальний такой прогон.

. . . . .
Даю сороковку.

— Мало.

Даю еще двадцать.

— Нет.

Такой отвратительный малый.

А малому тридцать лет.

— Да что ж ты?

Имеешь ли душу?

За что ты с меня гребешь?

И мне отвечает туша:
— Сегодня плохая рожь.
Давайте еще незвонких
Десяток иль штукек шесть —
Я выпью в шинке самогонки
За ваше здоровье и честь...

И вот я на мельнице...
Ельник
Осыпан свечьми светляков.
От радости старый мельник
Не может сказать двух слов.
— Голубчик! Да ты ли?
Сергуха!
Озяб, чай? Поди, продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог!

В апреле прозябнуть трудно,
Особенно так в конце.
Был вечер задумчиво чудный,
Как дружья улыбка в лице.
Объятья мельника круты,
От них заревет и медведь,
Но все же в плохие минуты
Приятно друзей иметь.

— Откуда? Надолго ли?

— На год.

— Ну, значит, дружище, гуляй!

Сим летом грибов и ягод
У нас хоть в Москву отбавляй.
И дичи здесь, братец, до чорта,
Сама так под порох и прет.
Подумай ведь только...

Четвертый

Тебя не видали мы год...

. . . . .
. . . . .

Беседа окончена...

Чинно

Мы выпили весь самовар.
По-старому с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Состарившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: „Нет!“.

Далекие, милые были —
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

2

— Ну, что же! Вставай, Сергуша!
Еще и заря не текла,
Старуха за милую душу
Оладьев тебе напекла.
Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной...
Ей
Вчера настролял я к обеду
Прекраснейших дупелей.

Привет тебе, жизни денница!
Встаю, одеваюсь, иду.
Дымком отдает росяница
На яблонях белых в саду.
Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных

Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько заруют еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокою судорогу щек.

Нет, нет!
Не пойду навеки!
За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калеке
Пятак или гривенник в грязь.

— Ну, доброе утро, старуха!
Ты что-то немного сдала?
И слышу сквозь кашель глухо:
— Дела одолели, дела.
У нас здесь теперь неспокойно.
Испариной все зацвело.
Сплошные мужицкие войны —
Дерутся селом на село.
Сама я своими ушами
Слыхала от прихожан:
То радовцев бьют криушане,
То радовцы бьют криушан.
А все это, значит, безвластье.
Прогнали царя...

Так вот...

Посыпались все напасти
На наш неразумный народ.
Открыли зачем-то остроги,
Злодеев пустили лихих.
Теперь на большой дороге
Покою не знай от них.
Вот тоже, допустим... с Криуши...
Их нужно б в тюрьму за тюрьмой,
Они ж, воровские души,
Вернулись опять домой.
У них там есть Прон Оглоблин,
Булдыжник, драчун, грубиян.
Он вечно на всех озлоблен,
С утра по неделям пьян.
И нагло в третьевом годе,
Когда объявили войну,
При всем честном народе
Убил топором старшину.
Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица-Русь...

Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,

Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость.

Иду голубою дорожкой
И вижу — навстречу мне
Несется мой мельник на дрожках
По рыхлой еще целине.
— Сергуха! За милую душу!
Постой, я тебе расскажу!
Сейчас! Дай поправить вожжу,
Потом и тебя оглашу.
Чего ж ты мне утром ни слова?
Я Снегиным так и бряк!
Приехал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудака.
(Они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет.)
А дочь их замужняя Анна
Спросила:
— Не тот ли, поэт?
— Ну, да, — говорю, — он самый.
— Блондин?
— Ну, конечно, блондин!
— С кудрявыми волосами?
— Забавный такой господин!
— Когда он приехал?

— Недавно.
— Ах, мамочка, это он!
Ты знаешь,
Он был забавно
Когда-то в меня влюблен.
Был скромный такой мальчишка,
А нынче...
Поди ж ты...
Вот...
Писатель...
Известная шишка...
Без просьбы уж к нам не придет.

И мельник, как будто с победы,
Лукаво прищурил глаз:
— Ну, ладно. Прощай до обеда!
Другое сдержу про запас.

Я шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал зеленыя.
Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо бы роман.

Но вот и Криуша...
Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиренью обрызгала тишь.
Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь —
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь.
Гляжу, на крыльце у Прона
Горластый мужицкий галдеж.
Толкуют о новых законах,
О ценах на скот и рожь.
— Здорово, друзья!
— Э, охотник?!
— Здорово, здорово!
Садись!
Послушай-ка, ты, беззаботник,
Про нашу крестьянскую жисть.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.

Но все ж мы тебя не порочим.
Ты — свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рьяным,
Себя вынимал на испод...

Скажи:

Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?

И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.

Дрожали, качались ступени,

Но помню

Под звон головы:

— Скажи,

Кто такое Ленин?

Я тихо ответил:

— Он — вы.

На корточках ползали слухи,
Судили, решали шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.

Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.
Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар.
И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.

Мой мельник с ума, знать, спятил.
Поехал,
Кого-то привез...
Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.
Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,
На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.

Я встал.

И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый:
— А!

Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала.
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы — знаменитый поэт.

. . . . .
Ну, сядем.

Прошла лихорадка?
Какой вы теперь не такой.
Я даже вздохнула украдкой,
Коснувшись до вас рукой.
Да...
Не вернуть, что было.
Все годы бегут в водоем.
Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.
Мы вместе мечтали о славе...
И вы угодили в прицел,
Меня же про это заставил
Забыть молодой офицер...

Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик.
Хотелось сказать:
Довольно!
Найдемте другой язык!

Но почему-то, не знаю,
Смущенно сказал невпопад.
— Да... Да...
Я сейчас вспоминаю...
Садитесь.
Я очень рад.
Я вам прочитаю немного
Стихи
Про кабацкую Русь...
Отделано четко и строго,
По чувству — цыганская грусть.
— Сергей!
Вы такой нехороший.
Мне жалко,
Обидно мне,
Что пьяные ваши дебоши
Известны по всей стране.

Скажите:

Что с вами случилось?

— Не знаю.

— Кому же знать?

— Наверно, в осеннюю сырость

Меня родила моя мать.

— Шутник вы...

— Вы тоже, Анна.

— Кого-нибудь любите?

— Нет.

— Тогда еще более странно

Губить себя с этих лет:

Пред вами такая дорога...

Сгущалась, туманилась даль...

Не знаю, зачем я трогал

Перчатки ее и шаль.

. . . . .

Луна хохотала, как клоун.

И в сердце хоть прежнего нет,

По-странному был я полон

Наплывом шестнадцати лет.

Расстались мы с ней на рассвете

С загадкой движений и глаз...

Есть что-то прекрасное в лете,

А с летом прекрасное в нас.

Мой мельник...
Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.
Устроил волынку, бездельник,
И бегаёт, как почтальон.
Сегодня опять с запиской,
Как будто бы кто-то влюблен:
„Придите.
Вы самый близкий.
С любовью

Оглоблин Прон“.

Иду.
Прихожу в Криушу.
Оглоблин стоит у ворот
И спьяну в печонки и в душу
Костит обнищальный народ.
— Эй, вы!
Тараканье отродье!
Все к Снегиной...
Р-раз и квас!
Даешь, мол, твои угодыя
Без всякого выкупа с нас! —
И тут же, меня завидя,
Снижая сварливую прыть,

Сказал в неподдельной обиде:
— Крестьян еще нужно варить.
— Зачем ты позвал меня, Проша?
— Конечно, ни жать, ни косить.
Сейчас я достану лошадь
И к Снегиной... вместе...
Просить...
И вот запрягли нам клячу.
В оглоблях мосластая шкетъ —
Таких отдают с придачей,
Чтоб только самим не иметь.
Мы ехали мелким шагом,
И путь нас смешил и злил:
В подъемах по всем оврагам
Телегу мы сами везли.

Приехали.
Дом с мезонином
Немного присел на фасад.
Волнующе пахнет жасмином
Плетневый его палисад.
Слезаем.
Подходим к террасе
И, пыль отряхая с плеч,
О чьем-то последнем часе
Из горницы слышим речь:

— Рыдай — не рыдай, — не помога...
Теперь он холодный труп...
Там кто-то стучит у порога...
Припудрись...
Пойду отопру...

Дебелая грустная дама
Откинула добрый засов,
И Прон мой ей брякнул прямо
Про землю,
Без всяких слов.

— Отдай!.. —
Повторял он глухо. —
Не ноги ж тебе целовать!

Как будто без мысли и слуха
Она принимала слова,
Потом в разговорную очередь
Спросила меня
Сквозь жуть:
— А вы, вероятно, к дочери?
Присядьте...
Сейчас доложу...

Теперь я отчетливо помню
Тех дней роковое кольцо.
Но было совсем не легко мне
Увидеть ее лицо.

Я понял —
Случилось горе,
И молча хотел помочь.
— Убили... Убили Борю...
Оставьте!
Уйдите прочь!
Вы — жалкий и низкий трусишка.
Он умер...
А вы вот здесь...

Нет, это уж было слишком.
Не всякий рожден перенести.
Как язвы, стыдясь оплеухи,
Я Прону ответил так:
— Сегодня они не в духе...
Поедем-ка, Прон, в кабак...

4

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочь,

И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровей.
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.

Мой мельник во-всю улыбается,
Какая-то веселость в нем.
— Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!
Я рад и охоте...
Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон.
— Дружище!
С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех р-раз — и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин — старшой комиссар.
Дружище!

Вот это номер!
Вот это почин, так почин.
Я с радости чуть не помер,
А брат мой в штаны помочил.
Едри ж твою в бабушку плюнуть!
Гляди, голубарь, веселей!
Я первый сейчас же коммуны
Устрою в своем селе.

У Прона был брат Лабутя,
Мужик — что твой пятый туз:
При всякой опасной минуте
Хвальбишка и дьявольский трус.
Таких вы, конечно, видали.
Их рок болтовней наделил.
Носил он две белых медали
С японской войны на груди.
И голосом хриплым и пьяным
Тянул, заходя в кабак:
— Прославленному под Ляояном
Ссудите на четвертак...
Потом, насосавшись до дури,
Взволнованно и горячо
О сдавшемся Порт-Артуре
Соседу слезил на плечо.
— Голубчик! —

Кричал он, —

Петя!

Мне больно... Не думай, что пьян.

Отвагу мою на свете

Лишь знает один Ляоян.

Такие всегда на примете.

Живут, не мозоля рук.

И вот он, конечно, в совете,

Медали запрятал в сундук.

Но с тою же важной осанкой,

Как некий седой ветеран,

Хрипел под сивушной банкой

Про Нерчинск и Турухан:

— Да, братец!

Мы горе видали,

Но нас не запугивал страх...

.....
Медали, медали, медали

Звенели в его словах.

Он Прону вытягивал нервы,

И Прон материл не судом.

Но все ж тот поехал первый

Описывать снегинский дом.

В захвате всегда есть скорость:

— Даешь! Разберем потом!

Весь хутор забрали в волость
С хозяйками и со скотом.

А мельник...

. . . . .
Мой старый мельник!
Хозяек привез к себе,
Заставил меня, бездельник,
В чужой ковыряться судьбе.
И снова нахлынуло что-то...
Тогда я всю ночь напролет
Смотрел на скривленный заботой
Красивый и чувственный рот.

Я помню —
Она говорила:
— Простите... Была не права...
Я мужа безумно любила.
Как вспомню... болит голова...
Но вас
Оскорбила случайно...
Жестокость была мой суд...
Была в том печальная тайна,
Что страстью преступной зовут.
Конечно,
До этой осени
Я знала б счастливую быль...

Потом бы меня вы бросили,
Как выпитую бутылку...
Поэтому было не надо...
Ни встреч... ни вообще продолжать...
Тем более, с старыми взглядами
Могла я обидеть мать...

Но я перевел на другое,
Уставясь в ее глаза,
И тело ее тугое
Немного качнулось назад.
— Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор.

. . . . .
— Смотрите...
Уже светает?
Заря, как пожар, на снегу...
Мне что-то напоминает...
Но что?..
Я понять не могу...
Ах!.. Да...
Это было в детстве...
Другой... Не осенний рассвет...

Мы с вами сидели вместе...
Нам по шестнадцать лет...

Потом, оглядев меня нежно
И лебеда выгнув рукой,
Сказала как будто небрежно:
— Ну, ладно...
Пора на покой...

. . . . .
Под вечер они уехали.
Куда?

Я не знаю куда.
В равнине, проложенной вехами,
Дорогу найдешь без труда.

Не помню тогдашних событий,
Не знаю, что сделал Прон.
Я быстро умчался в Питер
Развеять тоску и сон.

5

Суровые, грозные годы!
Но разве всего описать?
Слыхали дворцовые своды
Солдатскую крепкую „мать“?

Эх, удаль!

Цветение в далях!

Недаром чумазый сброд

Играл по дворам на роялях

Коровам тамбовский фокстрот.

За хлеб, за овес, за картошку

Мужик залучил граммофон, —

Слюнявя козлиную ножку,

Танго себе слушает он.

Сжимая от прибыли руки,

Ругаясь на всякий налог,

Он мыслит до дури о штуке,

Катающейся между ног.

Шли годы

Размашисто, пылко...

Удел хлебороба гас.

Немало попрело в бутылках

„Керенок“ и „ходей“ у нас.

Фефела! Кормилец! Касатик!

Владелец земель и скотом,

За пару измызганных „катек“

Он даст себя выдрать кнутом.

Ну, ладно.

Довольно стонов!

Не нужно насмешек и слов!
Сегодня про участь Прона
Мне мельник прислал письмо:
„Сергуха! За милую душу!
Привет тебе, братец! Привет!
Ты что-то опять в Криушу
Не кажешься целых шесть лет!
Утешь!
Соберись, на милость!
Прижваривай по весне!
У нас здесь такое случилось,
Чего не расскажешь в письме!
Теперь стал спокой в народе,
И буря пришла в угомон.
Узнай, что в двадцатом годе
Расстрелян Оглоблин Прон.

„Расея...
Дуровая зыкъ она.
Хошь верь, хошь не верь ушам —
Однажды отряд Деникина
Нагрязнул на криушан.
Вот тут и пошла потеха...
С потехи такой — околеть.
Со скрежетом и со смехом
Гульнула казацкая плеть.

Тогда вот и чикнули Проню,
Лабутя ж в солому залез
И вылез,
Лишь только кони
Казацкие скрылись в лес.
Теперь он по пьяной морде
Еще не устал голосить:
— Мне нужно бы красный орден
За храбрость мою носить!..
Совсем прокатились тучи...
И хоть мы живем не в раю,
Ты все ж приезжай, голубчик,
Утешить судьбину мою“...

И вот я опять в дороге.
Ночная июльская хмарь.
Бегут говорливые дроги
Ни шатко, ни валко, как встарь.
Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.

И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.

Я снова на мельнице...

Ельник

Усыпан свечьми светляков.

По-старому старый мельник

Не может связать двух слов.

— Голубчик! Вот радость! Сергуха!

Озяб, чай? Поди, продрог?

Да ставь ты скорее, старуха,

На стол самовар и пирог!

Сергунь! Золотой! Послушай!

. . . . .
И ты уж старик по годам...

Сейчас я за милую душу

Подарок тебе передам.

— Подарок?

— Нет...

Просто письмишко.

Да ты не спеши, голубок!

Почти что два месяца слишком

Я с почты его приволок.

Вскрываю... читаю... Конечно!

Откуда же больше и ждать!

И почерк такой беспечный
И лондонская печать.

„Вы живы?.. Я очень рада...
Я тоже, как вы, жива.
Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.
Теперь я от вас далеко...
В России теперь апрель.
И синею заволокой
Покрыта береза и ель.
Сейчас вот, когда бумаге
Вверяю я грусть моих слов,
Вы с мельником, может, на тяге
Подслушиваете тетеревов.
Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в страх,
Гляжу средь судов все пристальней
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне попрежнему милы,
Как родина и как весна“...

.....
Письмо, как письмо.
Беспричинно.

Я в жисть бы таких не писал.
Попрежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: „Нет!“.
Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Январь 1925 г.

Батум

ПЕСНЬ О ВЕЛИКОМ ПОХОДЕ

Эй, вы, встречные,
Поперечные!
Тараканы, сверчки
Запечные!
Не народ, а дрохва
Подбитая!
Русь нечосаная,
Русь немытая.
Вы послушайте
Новый вольный сказ,
Новый вольный сказ
Про житье у нас.
Первый сказ о том,
Что давно было.
А второй — про то,
Что сейчас всплыло.

Для тебя я, Русь,
Эти сказы спел,
Потому что был
И правдив и смел.
Был мастак слагать
Эти притчины,
Не боясь ничьей
Зуботычины.

★

Ой, во городе,
Да во Ипатьеве
При Петре было
При императоре.
Говорил слова
Непутевый дьяк:
„Уж и как у нас, ребята,
Стал быть, царь дурак.
Царь дурак-батрак
Сопли жмет в кулак,
Строит Питер-град
На немецкий лад.
Видно, делать ему
Больше нечего,
Принялся он Русь
Онемечивать.

Бреет он князьям
Брады, усие,
Как не плакаться
Тут над Русию?
Не тужить тут как
Над судьбиною?
Непослушных он
Бьет дубиною“.

Услыхал те слова
Молодой стрелец.
Хвать смутьянщика
За тугой косоц.
„Ты иди, ползи,
Не кочурься, брат.
Я свезу тебя
Прямо в Питер-град.
Привезу к царю,
Кайся, сукин кот!
Кайся, сукин кот,
Что смущал народ“.

По Тверской-Ямской,
Под дугою вбряк,

С колокольцами
Ехал бедный дьяк.
На четвертый день,
О полдневных пор,
Прикатил наш дьяк
Ко царю во двор.
Выходил тут царь
С висока крыльца,
Мах — дубинкою
Подозвал стрельца.
„Ты скажи, зачем
Прикатил, стрелец?
Аль с Москвы какой
Потайной гонец?“
„Не гонец я, царь,
Не родня с Москвой.
Я всего лишь есть
Слуга верный твой.
Я привез к тебе
Бунтаря-дьяка.
У него, знать, в жисть
Не болят бока.
В кабаке на весь
На честной народ
Он позорил, царь,
Твой высокий род“.

„Ну, — сказал тут Петр, —
Вылезай-кось, вошь!“

Космы дьяковы

Поднялись, как рожь.

У Петра с плеча

Сорвался кулак...

И навек задрал

Лапти кверху дьяк.

У Петра был двор,

На дворе был кол,

На колу — мочало.

Это только, ребята,

Начало.

Ой, суров наш царь,

Алексеич Петр.

Он в единый дух

Ведро пива пьет.

Курит — дым идет

На три сажени,

Во немецких одеждах

Разнаряженный.

Возговорит наш царь

Алексеич Петр:

„Подойди ко мне,
Дорогой, Лефорт.
Мастер славный ты:
В Амстердаме был.
Русский царь тебе,
Как батрак, служил.
Он учился там,
Как топор держать.
Ты езжай-кось, мастер,
В Амстердам опять.
Передай ты всем
От Петра поклон
Да скажи, что сейчас
В страшной доле он.
В страшной доле я
За родную Русь...
Скоро смерть придет,
Помирать боюсь.
Помирать боюсь,
Да и жить не рад.
Кто ж теперь блюсти
Будет Питер-град?
Средь туманов сих
И цепных болот
Снится сгибший мне
Трудовой народ.

Слышу, голос мне
По ночам звенит,
Что на их костях
Лег тугой гранит.
Оттого подчас,
Обступая град,
Мертвецы встают
В строевой парад.
И кричат они,
И вопят они —
От такой крични
Загашай огни.
Говорят слова:
— Мы всему цари!
Попадешься, Петр,
Лишь сумей, помри.
Мы сдерем с тебя
Твой лихой чупрын,
Потому что ты
Был собачий сын.
Поблажал ты знать
Со министрами,
На крови для них
Город выстроил.
Но пускай за то
Знает каждый дом —

Мы придем еще,
Мы придем, придем!
Этот город наш,
Потому и тут
Только может жить
Лишь рабочий люд“.

Смолк наш царь
Алексеич Петр,
В три ручья с него
Льет холодный пот.

Слушайте, слушайте,
Вы, конечно, народ
Хороший —
Хоть метелью вас крой,
Хоть порошей.
Одним словом — миляги!
Не дадите ли
Ковшик браги?
Человеческий язык,
Чай, не птичий.
Славный вы, люди,
Придумали
Обычай.

И пушки бьют,
И колокола плачут.
Вы, конечно, понимаете,
Что это значит?
Много было роз,
Много было маков.
Схоронили Петра,
Тяжело оплакав.
И с того ль, что там
Всякий сволок был,
Кто всерьез рыдал,
А кто глаза слюнил.
Но с того вот дня
Да на двести лет
Дуракам-царям
Прямо счету нет.
И все двести лет
Шел подземный гуд:
„Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд.
Мы сгребем дворян
Да по плечи им,
На фонарных столбах
Перевешаем“.

Через двести лет,
В снеговой октябрь,
Затряслась Нева,
Подымая рябь.
Утром встал народ
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!
Но с чего же там
Пушки бьют-палят?
Бьют за городом,
Бьют из-за моря.
Понимай как хошь,
Ты, душа моя.
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я пою о них,
Как спознать сумел.

Веселись, душа
Молодецкая.

Нынче наша власть,
Власть Советская.
Офицерика,
Да голубчика
Прикокошили
Вчера в Губчека.
Ни за Троцкого,
Ни за Ленина,
За донского казака,
За Каледина.
Гаркнул яблочко
Молодой матрос:
„Мы не так еще
Подотрем вам нос“.

А за Явором,
Под Украйною,
Услыхали мужики
Весть печальную.
Власть Советская
Им очень нравится,
Да идут войска
С ней расправиться.
В тех войсках к мужикам
Родовая месть.

И Врангель тут,
И Деникин здесь.
А на помог им,
Как лихих волчат,
Из Сибири шлет отряды
Адмирал Колчак.

Ах, рыбки мои,
Мелки косточки!
Вы крестьянские ребята,
Подросточки.
Ни ногой вас не взять,
Ни рязанами,
Вы гольём пошли гулять
С партизанами.
Красной армии штыки
В поле светятся.
Здесь отец с сынком
Могут встретиться.
За один удел
Бьется эта рать —
Чтоб владеть землей
Да весь век пахать,
Чтоб шумела рожь
И овес звенел,

Чтобы каждый калачи
С пирогами ел.

Ну, и как же ту злобу
Не вынашивать?
На Дону теперь поют
Не по-нашему:
„Пароход идет
Мимо пристани.
Будем рыбу кормить
Коммунистами“.
А у нас для них поют:
„Куда ты котишься?
В Вечека попадешь —
Не воротишься“.

От одной беды
Целых три растут, —
Вдруг над Питером
Слышен новый гуд.
Не поймет никто,
Отколь гуд идет:
„Ты не смей дремать,
Трудовой народ.“

Как под Питером
Рать Юденича“.
Что же делать нам
Всем теперича?
И оттуда бьют,
И отсель палят, —
Ой, ты, бедный люд,
Ой, ты, Питер-град!

Но при всякой беде
Веет новью вал.
Кто ж не вспомнит теперь
Речь Зиновьева.
Дождик лил тогда
В три погибели.
На корню дожди
Озимь выбили.
И на энтот год
Не шумела рожь.
То не жизнь была,
А в печонки нож.
А Зиновьев всем
Вел такую речь:
„Братья, лучше нам
Здесь костями полечь,

Чем отдать врагу
Вольный Питер-град
И итти опять
В кабалу назад“.

А за синим Доном,
Станицы казачьей,
В это время волк ехидный
По-кукушки плачет.
Говорит Корнилов
Казакам поречным:
„Угостите партизанов
Вишеньем картечным.
С Красной армией Деникин
Справится, я знаю!
Расстелились наши пики
С Дона до Дунаю“.

Ой, ты, атамане!
Не вожак, а соцкий.
А на что ж у коммунаров
Есть товарищ Троцкий!
Он без слезной речи
И лихого звона

Обещал коней нам наших
Напоить из Дона.
Вей сильней и крепче,
Ветер синь-студеный.
С нами храбрый Ворошилов,
Удалой Буденный.

Если крепче жмут,
То сильней орёшь.
Мужику одно:
Не топтали б рожь.
А как пошла по ней
Тут рать Деникина —
В сотни верст легла
Прямо в нить она.
Над такой бедой
В стане белых ржут.
Валят сельский скот
И под водку жрут.
Мнут крестьянских жен,
Девок лапают.
„Так и надо вам,
Сиволапые.
Ты, мужик, прохвост!
Сволочь, бестия!

Отплати-кось нам
За поместья.
Отплати за то,
Что ты вешал знать.
Эй, в кнуты их всех,
Растакую мать!“

★

Ой, ты, синяя сирень,
Голубой палисад!
На родимой стороне
Никто жить не рад.
Опустели огороды,
Хаты брошены,
Заливные луга
Не покошены.
И примят овес,
И прибита рожь. —
Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?

★

Но сильней всего
Те встревожены,
Что ночью не спят
В куртках кожаных,

Кто за бедный люд
Жить и сгибнуть рад,
Кто не хочет сдать
Вольный Питер-град.

Там под Лиговом
Страшный бой кипит.
Питер траурный
Без огня не спит.
Миг, — и вот сейчас
Враг проломит все,
И прощай мечта
Городов и сел...
Пот и кровь струит
С лиц встревоженных.
Бьют и бьют людей
В куртках кожаных.
Как снопы, лежат
Трупы по полю.
Кони в страхе ржут,
В страхе топают.
Но напор от нас
Все сильней, сильней,
Бьются восемь дней,
Бьются девять дней...

На десятый день
Не сдержался враг...
И пошел чесать
По кустам в овраг.
Наши взад им „крой!“...
Пушки бьют, палят...
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!
А за Белградом,
Окол Харькова
Кровью ярь мужиков
Перехаркана.
Бедный люд в Москву
Босяком бежит.
И от стона и от рева
Вся земля дрожит.
Ищут хлеба они,
Просят милости,
Ну, и как же злобной воле
Тут не вырасти?
У околицы
Гуляй-полевой
Собиралися
Буйны головы.
Да как стали жечь,
Как давай палить.

У Деникина
Аж живот болит.

★

Эх, песня,
Песня!
Есть ли что на свете
Чудесней?
Хоть под гусли тебя пой,
Хоть под тальяночку.
Не дадите ли вы мне,
Хлопцы,
Еще баночку.

★

Ах, яблочко,
Цвета милого!
Бьют Деникина,
Бьют Корнилова.
Цветочек мой,
Цветик маковый.
Ты скорей, адмирал,
Отколचाкивай.
Там за степью гул,
Там за степью гром,

Каждый в битве защищает
Свой отцовский дом.
Курток кожаных
Под Донцом не счесть —
Видно, много в Петрограде
Этой масти есть.

В белом стане вопль,
В белом стане стон:
Обступает наша рать
Их со всех сторон.
В белом стане крик,
В белом стане бред,
Как пожар стоит
Золотой рассвет.
И во всех кабаках
Огни светятся...
Завтра многие друг с другом
Уж не встретятся.
И все пьют за царя,
За святую Русь,
В ласках знатных шлюх
Забывая грусть.

В красном стане храп,
В красном стане смрад,
Вонь портяночная
От сапог солдат.
Завтра, еле свет,
Нужно снова в бой.
Спи, корявый мой!
Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

На заре, заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы встречали день.
Подымая вверх,
Как тоску, глаза,
В куртке кожаной
Коммунар сказал:
„Братья, если здесь
Одолеют нас,

То октябрьский свет
Навсегда погас.
Будет крыть нас кнут,
Будет крыть нас плеть,
Всем весь век тогда
В нищете корпеть".
С горьким гневом рук,
Утерев слезу,
Ротный наш с тех слов
Сапоги разул,
Громко кашлянув,
„На, — сказал он мне, —
Дома нет сапог,
Передай жене“.

На заре, на заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы сушили день.
Пуля входит в грудь,
Как пчелы ужал.
Наш отряд тогда
Впереди бежал.
За ложиной пруд,
А за прудом лог.

Коммунар ничком
В землю носом лег.
Мы вперед, вперед!
Враг назад, назад!
Мертвецы пусть так
Под дождем лежат.
Спите, храбрые,
С отзвучавшим ртом!
Мы придем вас всех
Хоронить потом.

Вот и кончен бой,
Машет красный флаг.
Не жалея пят,
Удирает враг.
Удивленный тем,
Что остался цел,
Молча ротный наш
Сапоги надел.
И сказал: „Жене
Сапоги не враз,
Я их сам теперь
Износить горазд“.

Вот и кончен бой.
Тот, кто жив, тот рад.
Ай да вольный люд!
Ай да Питер-град!
От полуночи
До сина утра
Над Невой твоей
Бродит тень Петра.
Бродит тень Петра,
Грозно хмурится
На кумачный цвет
В наших улицах.
В берег бьет вода
Пенной индевью...
Корабли плывут
Будто в Индию...

But in nature
For the world
The sun
The moon
The stars
The earth
The sea
The air
The fire
The water
The wind
The rain
The snow
The ice
The lightning
The thunder
The earthquake
The volcano
The hurricane
The tornado
The comet
The meteor
The asteroid
The planet
The star
The galaxy
The universe

ПОЭМА О 36

Много в России
Троп.
Что ни тропа —
То гроб.
Что ни верста —
То крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один
Сугроб.

Синий уральский
Ском
Каменным лег
Мешком,
За скомом шумит
Тайга.

Коль вязнет в снегу
Нога,
Попробуй итти
Пешком.

Добро, у кого
Закал,
Кто знает сибирский
Шквал.
Но если ты слаб
И лег,
То, тайно пробравшись
В лог,
Тебя отпоет
Шакал.

Буря и грозный
Вой.
Грузно бредет
Конвой.
Ружья на-перевес.
Если ты хочешь
В лес,
Не дорожи головой.

Ссылный солдату
Не брат.

Ветер горные брови насопил,
 Уви то кони стоят у двора.
 Ни вчера ли я молодости пропил?
 Разлюбил ли тебя ни вчера?

Не храни запоздалая тройка
 Наша жизнь пронеслась без следа
 Может завтра больничная койка
 Улюкают меня навсегда

Может завтра совсем по-другому
 Я уйду, иazelённый навек,
 Слушайте песни домдеи и терелух
 Серд здоровый живёт человек

Позабуду я мрачные силы,
 Что терзали меня зубы
 Облик лагковский! облик милый!
 Лишь одну не забуду тебя.

Кусты я буду любить грутун,
 Ни и с кем, с любимой, с дружкой,
 Расскажу про тебя дорогую
 Что когда то я звал дорогой

Расскажу как текла былая
 Наша жизнь, что было не было
 Голова ли ты моя удалая
 До чего же ты меня довела

Сам подневолен солдат.
Если не взял
На прицел,—
Завтра его под расстрел.
Но ты не иди
Назад.
Пусть умирает
Тот,
Кто брата в тайгу
Ведет.
И ты под кандалный
Дзин
Шпарь, как седой
Баргузин.
Беги все вперед
И вперед.
Там за Уралом
Дом.
Степь и вода
Кругом.
В синюю гладь
Окна
Скрипкой поет
Луна.
Разве так плохо
В нем?

Славный у песни
Лад.
Мало ли кто ей
Рад.
Там за Уралом
Клен.
Всякий ведь в жизнь
Влюблен
В лунном мерцании
Хат.
Если ж, где отчая
Весь,
Стройная девушка
Есть,
Вся, как сиреневый май,
Вся, как родимый край, —
Разве не манит
Песнь?

Буря и грозный
Вой.
Грузно бредет
Конвой.
Ружья на-перевес.
Если ты хочешь
В лес,

Не дорожи
Головой.

Колкий, пронзающий
Пух.
Тяжко итти средь
Пург.
Но под кандалный
Дзень,
Если ты любишь
День,
Разве милей
Шлиссельбург?
Там, упираясь в дверь,
Ходишь, как в клетке
Зверь.
Дума всегда об одном:
Может, в краю
Родном
Стало не так
Теперь.
Может, под песню
Вьюг
Умер последний
Друг.

Друг или мать,
Все равно.
Хочется вырвать
Окно
И убежать в луг.

Но долгод тюремный
Час.
Зорек солдатский
Глаз.
Если ты хочешь
Знать,
Как тяжело
Убежать, —
Я знаю один
Рассказ.

Их было тридцать
Шесть.
В камере негде
Сесть.
В окнах бурунный
Вспург.
Крепко стоит
Шлиссельбург,
Море поет ему

Песнь.

Каждый из них

Сидел

За то, что был горд

И смел,

Что в гневной своей

Тщете

К рыдающим в нищете

Большую любовь

Имел.

Ты помнишь, конечно,

Тот

Клокочущий пятый

Год,

Когда из-за стен

Баррикад

Целился в брата

Брат.

• Тот в голову, тот

В живот.

Один защищал

Закон —

Невольник, влюбленный

В трон.

Другой этот трон

Громил,

И брат ему был
Не мил.
Ну, разве не прав был
Он?
Ты помнишь, конечно,
Как
Нагайкой свистел
Казак?
Тогда у склоненных
Ниц
С затылков и поясниц
Капал горячий
Мак.
Я знаю — наверно,
И ты
Видал на снегу
Цветы.
Ведь каждый мальчишкой
Рос,
Каждому били
Нос
В кулачной на все
„Сорты“.
Но тех я цветов
Не видал,
Был еще глуп

И мал,
И не читал еще
Книг.
Но если бы видел
Их,
То разве молчать
Стал?

Их было тридцать
Шесть.
В каждом кипела
Мечь.
Каждый оставил
Дом
С ивами над прудом,
Но не забыл о нем
Песнь.
Раз комендант
Сказал:
„Тесен для вас
Зал.
Пять я таких
Приму
В камеру по одному,
Тридцать один —

На вокзал".
Поле и снежный
Звон.
Клетчатый мчится
Вагон.
Рельсы грызет
Паровоз.
Разве уместен
Вопрос:
Куда их доставит
Он?

Много в России
Троп.
Что ни тропа —
То гроб.
Что ни верста —
То крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один
Сугроб.

★

Поезд на всех
Парах.
В каждом неясный
Страх.

Видно, надев
Браслет,
Гонят на много
Лет
Золото рыть
В горах.
Может случиться
С тобой,
То, что достанешь
Киркой, —
Дочь твоя там,
Вдалеке,
Будет на левой
Руке
Перстень носить
Золотой.

Поле и снежный
Звон,
Клетчатый мчится
Вагон.
Вдруг тридцать первый
Встал
И шопотом так сказал:
„Нынче мне ночь
Не в сон.

Нынче мне в ночь
Не лежать.
Я твердо решил
Бежать.
Благо, что ночь
Не в луне,
Вы помогите
Мне
Тело мое
Поддержать.
Клетку уж я
Силой...
Выручил снежный
Вой.
Вы заградите меня
Подле окна
От огня,
Чтоб не видал
Конвой".
Тридцать столпились
В ряд,
Будто о чем
Говорят,
Будто глядят
На снег.
Разве так труден

Побег,
Если огни
Не горят?

Их оставалось
Пять.
Каждый имел
Кровать.
В окнах бурунный
Вспург.
Крепко стоит
Шлиссельбург,
Только в нем плохо
Спать.

Разве тогда
Уснешь,
Если все видишь
Рожь,
Видишь родной
Плетень,
Синий, звенящий
День,
И ты по меже
Идешь?
Тихий вечерний
Час.

Колокол бьет
Семь раз.
Месяц широк
И ал.
Так бы дремал
И дремал,
Не подымая глаз.
Глянешь — на окнах
Пух.
Скучный, несчастный
Друг,
Ночь или день,
Все равно.
Хочется вырвать
Окно
И убежать в луг.
Пятый страдать
Устал.
Где-то подпилочек
Достал.
Ночью скребет
И скребет,
Капает с носа
Пот
Через губу в оскал.
Раз при нагрузке

Дров
Он поскользнулся
В ров...
Смотрят, уж он
На льду,
Что-то кричит
На ходу.
Крикнул — и будь
Здоров.
Быстро бегут
Дни.
День колесу
Сродни.
Снежной январской
Порой
В камере сорок
Второй
Встретились вновь
Они.
Пятому глядя
В глаза,
Тридцать первый
Сказал:
„Там, где струится
Обь,
Есть деревушка

Топь
И очень хороший
Вокзал.
В жизни живут лишь
Раз,
Я вспоминать
Не горазд.
Глупый сибирский
Чалдон,
Скуп, как сто дьяволов,
Он.
За пяточок продаст.
Снежная белая
Гладь.
Нечего мне
Вспоминать.
Знаю одно:
Без грез
Даже в лихой
Мороз
Сладко на сене
Спать“.
Пятый сказал
В ответ:
„Мне уже сорок
Лет.

Но не угас мой
Бес,
Так все и тянет
В лес,
В синий вечерний
Свет.
Много сказать
Не могу:
Час лишь лежал
Я в снегу,
Слушал мятельный
Вой,
Но помешал
Конвой
С ружьями на бегу.
Серая, хмурая
Высь,
Тучи с землею
Слились.
Ты помнишь, конечно,
Тот
Мятельный семнадцатый
Год,
Когда они
Разошлись?
Каждый пошел в свой

Дом
С ивами над прудом,
Видал луну
И клен,
Только не встретил
Он
Сердцу любимых
В нем.
Их было тридцать
Шесть.
В каждом кипела
Мечь.
И каждый в октябрьский
Звон
Пошел на влюбленных
В трон,
Чтоб навсегда их
Сместь.
Быстро бегут
Дни.
Встретились вновь
Они.
У каждого новый
Дом.
В лежку живут лишь
В нем,

Очей загасив огни.
Тихий вечерний
Час.
Колокол бьет
Семь раз.
Месяц широк
И ал.
Тот, кто теперь
Задремал,
Уж не поднимет
Глаз.
Теплая синяя
Весь,
Всякие песни
Есть...
Над каждым своя
Звезда...
Мы же поем
Всегда:
Их было тридцать
Шесть.

СТРАНА НЕГОДЯЕВ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

„Страна негодяев“ — пьеса, поэтом незаконченная и неотделанная. С. А. Есенин при жизни нашел возможным напечатать лишь небольшие отрывки из нее.

ПЕРСОНАЛ

Комиссар из охраны жел.-дор. линии Чекистов
Замарашкин — сочувствующий коммунистам, доб-
роволец

Бандит Номан

Комиссары приисков {
Рассветов
Чарин
Лобок

Комендант поезда

Красноармейцы

Рабочие

Советский сыщик Литза-Хун

Повстанец Барсук

Повстанцы · Милиционеры

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НА КАРАУЛЕ

Снежная чаща. Железнодорожная будка Уральской линии.
Чекистов, охраняющий линию, ходит с одного конца в другой.

Чекистов

Ну, и ночь! Что за ночь!
Чорт бы взял эту ночь
С... адским холодом
И такой темнотой,
С тем, что нужно без устали
Бельма перить.

.....
Стой!
Кто идет?

Отвечай!..

А не то

Мой наган разmozжит твой череп!

Стой, холера тебе в живот.

З а м а р а ш к и н

Тише... тише...

Легче бранись, Чекистов!

От ругательств твоих

Даже у будки краснеют стены.

И с чего это, брат мой,

Ты так неистов?

Это ж... я... Замарашкин...

Иду на смену...

Ч е к и с т о в

Чорт с тобой, что ты Замарашкин!

Я ведь не собака,

Чтоб слышать носом.

З а м а р а ш к и н

Ох, и зол же ты, брат мой!..

Аж до печонок страшно...

Я уверен, что ты страдаешь

Кровавым поносом...

Чекистов

Ну, конечно, страдаю!..
От этой проклятой селедки
Может в конце развалиться брюхо.
О!
Если б теперь... рюмку водки...
Я бы даже не выпил...
А так...
Понюхал...

. . . . .
Знаешь? когда эту селедку берешь за хвост,
То думаешь,
Что вся она набита рисом...
Разломаешь,
Глядь:
Черви... Черви...
Жирные белые черви...
Дьявол нас, зная, занес
К этой грязной мордве
И вонючим черемисам!

Замарашкин

Что ж делать,
Когда выпал такой нам год?

Скверный год! Отвратительный год!
Это еще ничего...
Там... за Самарой... я слышал...
Люди едят друг друга...
Такой выпал нам год!
Скверный год!
Отвратительный год!
И к тому же еще чортова выюга.

Чекистов

Мать твою в эт-твою!
Ветер, как сумасшедший мельник,
Крутит жерновами облаков
День и ночь...
День и ночь...
А народ ваш сидит, бездельник,
И не хочет себе ж помочь.
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!
Коль живет он в Рязанской губернии,
Так о Тульской не хочет тужить.
То ли дело Европа!
Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давно под топор...

З а м а р а ш к и н

Слушай, Чекистов!..
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты еврей,
Фамилия твоя Лейбман,
И чорт с тобой, что ты жил
За границей...
Все равно в Могилеве твой дом.

Ч е к и с т о в

Ха-ха!
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы Божие...

Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.
Ха-ха!
Что скажешь, Замарашкин?
Ну?
Или тебе обидно,
Что ругают твою страну?
Бедный! Бедный Замарашкин...

З а м а р а ш к и н

Чорт-те что ты городишь, Чекистов!

Ч е к и с т о в

Мне нравится околесина.
Видишь ли... я в жизни
Был бедней церковного мыша
И глодал вместо хлеба камни.
Но у меня была душа,
Которая хотела быть Гамлетом.
Глупая душа, Замарашкин!
Ха-ха!
А когда я немного подрос,
Я увидел...

(Слышатся чьи-то шаги.)

Тише... Помолчи, голубчик...
Кажется... кто-то... кажется...
Чорт бы взял этого мерзавца Номаха
И всю эту банду повстанцев!
Я уверен, что нынче ночью
Ты заснешь, как плаха,
А он опять остановит поезд
И разграбит станцию.

З а м а р а ш к и н

Я думаю, этой ночью он не придет.
Нынче от холода в воздухе
Дохла птица.
Для конницы нынче
Дорога скользка, как лед,
А с пехотой притти
Он и сам побоится.
Нет! этой ночью он не придет!
Будь спокоен, Чекистов!
Это просто с мороза проскрипело дерево...

Ч е к и с т о в

Хорошо! Я спокоен. Сейчас уйду.
Продрог до костей от волчьей стужи.
А в казарме сегодня,

Как на беду
Из прогнившей картошки
Холодный ужин.
Эх, ты, Гамлет, Гамлет!
Ха-ха, Замарашкин!..
Прощай!
Карауль в оба!..

З а м а р а ш к и н

Хорошего аппетита!
Спокойной ночи!

Ч е к и с т о в

Мать твою в эт-твою!

(Уходит.)

С С О Р А И З - З А Ф О Н А Р Я

Некоторое время Замарашкин рассказывает около будки один. Потом неожиданно подносит руку к губам и издает в два пальца осторожный свист. Из чащи, одетый в русский полушубок и в шапку-ушанку, выскакивает Номах.

Н о м а х

Что говорил тебе этот коммунист?

З а м а р а ш к и н

Слушай, Номах! Оставь это дело.
Они за тебя по-настоящему взялись.
Как бы не на столбе
Очутилось твое тело.

Н о м а х

Ну, так что ж!
Для ворон будет пища.

З а м а р а ш к и н

Но ты должен щадить других.

Н о м а х

Что другие?
Свора голодных нищих.
Им все равно...
В этом мире немытом
Душу человеческую
Ухорашивают рублем,
И если преступно здесь быть бандитом,
То не более преступно,
Чем быть королем...
Я слышал, как этот прохвост
Говорил тебе о Гамлете.

Что он в нем смыслит?
Гамлет восстал против лжи,
В которой варился королевский двор.
Но если б теперь он жил,
То был бы бандит и вор.
Потому что человеческая жизнь
Это тоже двор—
Если не королевский, то скотный.

З а м а р а ш к и н

Помнишь, мы зубрили в школе?
„Слова, слова, слова“...
Впрочем, я вас обоих
Слушаю неохотно.
У меня есть своя голова.
Я только всему свидетель,
В тебе ж люблю старого друга.
В час несчастья с тобой на свете
Моя помощь к твоим услугам.

Н о м а х

Со мною несчастье всегда.
Мне нравятся жулики и воры.
Мне нравятся груди,
От гнева спертые.

Люди устраивают договоры,
А я посылаю их к чорту.
Кто смеет мне быть правителем?
Пусть те, кому дорог хлев,
Называются гражданами и жителями
И жиреют в паршивом тепле.
Это все твари тленные!
Предмет для навозных куч!
А я — гражданин вселенной,
Я живу, как я сам хочу!

З а м а р а ш к и н

Слушай, Номах... Я знаю,
Быть может, ты дьявольски прав,
Но все ж... Я тебе желаю
Хоть немного смирить свой нрав.
Подумай... Не завтра, так после...
Не после... Так после опять...
Слова ведь мои не кости,
Их можно легко прожевать.
Ты понимаешь, Номах?

Н о м а х

Ты думаешь, меня это страшит?
Я знаю мою игру.
Мне здесь на все наплевать.

Я теперь в конце отказался от многого,
И в особенности от государства,
Как от мысли праздной,
Оттого, что постиг я,
Что все это договор,
Договор зверей окраски разной.
Люди обычаи чтут, как науку,
Да только какой же в том смысл и прок,
Если многие громко сморкаются в руку,
А другие обязательно в носовой платок.
Мне до дьявола противны
И те и эти.
Я потерял равновесие...
И знаю сам —
Конечно, меня подвесят
Когда-нибудь к небесам.
Ну, так что ж!
Это еще лучше!
Там можно прикуривать о звезды...
Но...
Главное не в этом.
Сегодня проходит экспресс,
В 2 ночи —
46 мест.
Красноармейцы и рабочие.
Золото в слитках.

Замарашкин

Ради Бога, меня не впутывай!

Номах

Ты дашь фонарь.

Замарашкин

Какой фонарь?

Номах

Красный.

Замарашкин

Этого не будет!

Номах

Будет хуже.

Замарашкин

Чем хуже?

Номах

Я разберу рельсы.

З а м а р а ш к и н

Номах! Ты подлец!
Ты хочешь меня под расстрел...
Ты хочешь, чтоб Трибунал...

Н о м а х

Не беспокойся! Ты будешь цел.
Я 200 повстанцев сюда пригнал,
Коль боишься расстрела,
Бежим со мной.

З а м а р а ш к и н

Я? С тобой?
Да ты спятил с ума!

Н о м а х

В голове твоей бродит
Непроглядная тьма.
Я думал — ты смел,
Я думал — ты горд,
А ты только лишь лакей
Узаконенных держиморд.
Ну, так что ж!
У меня есть выход другой,
Он не хуже...

З а м а р а ш к и н

Я не был никогда слугой.
Служит тот, кто трус.
Я не пленник в моей стране,
Ты меня не заманишь к себе.
Уходи! Уходи!
Уходи, ради дружбы.

Н о м а х

Ты, как сука, скулишь при луне...

З а м а р а ш к и н

Уходи! Не заставь скорбеть...
Мы ведь товарищи старые...
Уходи, говорю тебе...

(Трясет винтовкой.)

А не то вот на этой гитаре
Я сыграю тебе разлуку.

Н о м а х

(смеясь)

Слушай, защитник коммуны,
Ты, пожалуй, этой гитарой
Оторвешь себе руку.

Спрячь-ка ее, бесструнную,
Чтобы не охрипла на холоде.
Я и сам ведь сонату лунную
Умею играть на кольте.

З а м а р а ш к и н

Ну, и играй, пожалуйста.
Только не здесь!
Нам такие музыканты не нужны,

Н о м а х

Все вы носите овечьи шкуры,
И мясник пасет для вас ножи.
Все вы стадо!
Стадо! Стадо!
Неужели ты не видишь? Не поймешь,
Что такого равенства не надо.
Ваше равенство — обман и ложь.
Старая гнусная шарманка
Этот мир идейных дел и слов.
Для глупцов — хорошая приманка,
Подлецам — порядочный улов.
Дай фонарь!

З а м а р а ш к и н

Иди ты к чорту!

Номах

Тогда не гневайся,
Пускай тебя не обижает
Другой мой план.

Замарашкин

Не один план твой не пройдет.

Номах

Ну, это мы еще увидим...

. . . . .

Послушай, я тебе скажу:
Коль я хочу,
Так значит надо.
Ведь я башкой моей не дорожу
И за грабеж не требую награды.
Все, что возьму,
Я все отдам другим.
Мне нравится игра,
Ни слава и ни золото.
Приятно мне под небом голубым
Утешить бедного и вшивого собрата.
Дай фонарь!

Замарашкин

Отступись, Номах!

Номах

Я хочу сделать для бедных праздник.

Замарашкин

Они сделают его сами.

Номах

Они сделают его через 1000 лет

Замарашкин

И то хорошо.

Номах

А я сделаю его сегодня.

.....

(Бросается на Замарашкина и давит его за горло. Замарашкин падает. Номах завязывает ему рот платком и скручивает веревками руки и ноги. Некоторое время он смотрит на лежащего, потом идет в будку и выходит оттуда с зажженным красным фонарем.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭКСПРЕСС № 5

Салон-вагон. В вагоне страшно накурено. Едут комиссары и рабочие. Ведут спор.

Рассветов

Чем больше гляжу я на снежную ширь,

Тем думаю все упорнее.

Чорт возьми!

Да ведь наша Сибирь

Богаче, чем жолтая Калифорния.

С этими запасами руды

Нам не страшна никакая

Мировая блокада.

Только работай! Только трудись!

И в республике будет
Что кому надо.
Можно ль представить,
Что в месяц один
Открыли пять золотиносных жил.
В Америке это было бы сенсацией,
На бирже стоял бы рев.
Маклера бы скупали акции,
Выдавая 1 пуд за 6 пудов.
Я работал в клондайских приисках,
Где один ньюйоркский туз
За 3 миллиона без всякого риска
12¹/₂ положил в картуз.
А дело все было под шопот,
Просто биржевой трюк,
Но многие, денежки вхлопав,
Остались почти без брюк.
О! эти американцы...
Они — неуничтожимая моль.
Сегодня он в оборванцах,
А завтра золотой король.
Так было и здесь...
Самый простой прощальга,
Из индианских мест,
Жил, по-козлиному прыгал
И вдруг в богачи пролез.

Я помню все штуки эти.
Мы жили в ночлежках с ним.
Он звал меня мистер Развети,
А я его — мистер Джим.
„Послушай, — сказал он, — please,
Ведь это не написано в брамах,
Чтобы без whisky и miss
Мы валялись с тобою в ямах.
У меня в животе лягушки
Завелись от голодных дум.
Я хочу хорошо кушать
И носить хороший костюм.
Есть одна у меня затея,
И если ты не болван,
То без всяких словес, не потея,
Согласишься на этот план.
Нам нечего очень стараться,
Чтоб расходовать жизненный сок.
Я знаю двух-трех мерзавцев,
У которых золотой песок.
Они нам отыщут банкира
(т.-е. мерзавцы эти),
И мы будем королями мира...
Ты понял, мистер Развети?“
„Открой мне секрет, Джим!“ —
Сказал я ему в ответ.

А он мне сквозь трубочный дым
Пробулькал:

„Секретов нет!

Мы просто возьмем два ружья,

Зарядим золотым песком

И будем туда стрелять,

Куда нам укажет Том“.

(А Том этот был рудокоп —

Мошенник, каких поискать.)

И вот мы однажды тайком

В Клондайке.

Нас целая рать...

И по приказу, даденному

Под браунинги в висок,

Мы в четыре горы громадины

Золотой стреляли песок,

Как будто в слонов лежащих,

Чтоб достать дорогую кость.

И громом гремела в чашах

Ружей одичалая злость.

Наш предводитель живо

Шлет телеграмму потом:

„Открыли золотую жилу.

Приезжайте немедленно.

Том“.

А дело было под шопот,

Просто биржевой трюк...
Но многие, денежки вхлопав,
Остались почти без брюк.

Ч а р и н

Послушай, Рассветов! и что же,
Тебя не смутил обман?

Р а с с в е т о в

Не все ли равно,
К какой роже
Капиталы текут в карман.
Мне противны и те и эти.
Все они —
Класс грабительских банд.
Но должен же, друг мой, на свете
Жить Рассветов Никандр.

Г о л о с и з г р у п п ы

Правильно!

Д р у г о й г о л о с

Конечно, правильно!

Третий голос

С паршивой овцы хоть шерсти
Человеку рабочему клок.

Чарин

Значит, по этой версии
Подлость подчас не порок?

Первый голос

Ну, конечно, в собачьем стане,
С философией жадных собак,
Защищать лишь себя не станет
Тот, кто навек дурак.

Рассветов

Дело, друзья, не в этом.
Мой рассказ вскрывает секрет.
Можно сказать пред всем светом,
Что в Америке золота нет.
Там есть соль,
Там есть нефть и уголь,
И железной много руды.
Кладоискателей выюга

Замела золотые следы.
Калифорния — это мечта
Всех пропойц и неумных бродяг.
Тот, кто глуп или мыслить устал,
Прозябает в ее краях.
Эти люди — гнилая рыба.
Вся Америка — жадная пасть.
Но Россия... вот это глыба...
Лишь бы только Советская власть!..
Мы, конечно, во многом отстали.
Материк наш:
Лес, степь да вода.
Из железобетона и стали
Там настроены города.
Вместо наших глухих раздолий,
Там, на каждой почти полосе,
Перерезано рельсами поле
С цепью каменных рек — шоссе.
И по каменным рекам без пыли
И по рельсам без стона шпал
И экспрессы и автомобили
От разбега в бензинном мыле
Мчат, секундой считая доллар.
Места нет здесь мечтам и химерам,
Отшумела тех лет пора.
Все курьеры, курьеры, курьеры,

Маклера, маклера, маклера...
От еврея и до китайца,
Проходимец и джентльмен,
Все в единой графе считаются
Одинаково — business men.
На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льет.
Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп или пьян.
Вот она — мировая Биржа!
Вот они — подлецы всех стран.

Чарин

Да, Рассветов! но все же, однако,
Ведь и золота мы хотим.
И у нас биржевая клоака
Расстилает свой едкий дым.
Никому ведь не станет в новинки,
Что в кремлевские буфера
Уцепились когтями с Ильинки
Маклера, маклера, маклера...
И в ответ партийной команде
За налоги на крестьянский труд
По стране свищет банда на банде,

Волю власти считая за кнут.
И кого упрекнуть нам можно?
Кто сумеет закрыть окно,
Чтоб не видеть, как свора острожная
И крестьянство так любят Махно?
Потому, что мы очень строги,
А на строгость ту зол народ,
У нас портят железные дороги,
Гибнут озими, падает скот.
Люди с голоду бросились в бегство,
Кто в Сибирь, а кто в Туркестан,
И оскалилось людоедство
На сплошной недород у крестьян.
Их озлобили наши поборы,
И, считая весь мир за Бедлам,
Они думают, что мы воры
Иль поблажку даем ворами.
Потому им и любы бандиты,
Что всосали в себя их гнев.
Нужно прямо сказать, открыто,
Что республика наша — bluff,
Мы не лучшее, друг мой, дерьмо.

Рассветов

Нет, дорогой мой!
Я вижу, у вас

Нет понимания масс.
Ну, кому же из нас неизвестно
То, что ясно, как день, для всех:
Вся Россия — пустое место,
Вся Россия — лишь ветер да снег.
Этот отзыв ни резкий, ни чорствый.
Знают все, что до наших лбов
Мужики караулили версты
Вместо пегих дорожных столбов.
Здесь все дохли в холере и оспе.
Не страна, а сплошной бивуак.
Для одних — золотые россыпи,
Для других — непроглядный мрак.
И кому же из нас незнакомо,
Как на теле паршивый прыщ,
Тыщи лет из бревна да соломы
Строят здания наших жилищ.
10 тысяч в длину государство,
В ширину окло верст тысяч 3-х.
Здесь одно лишь нужно лекарство —
Сеть шоссе и железных дорог.
Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жесьть.
Города создаются руками,
Как поступками — слава и честь.
Подождите!

Лишь только клизму
Мы поставим стальную стране,
Вот тогда и конец бандитизму,
Вот тогда и конец резне.

(Слышатся тревожные свистки паровоза. Поезд замедляет ход.
Все вскакивают.)

Рассветов

Что такое?

Лобок

Тревога!

Первый голос

Тревога!

Рассветов

Позовите коменданта!

Комендант (вбегает)

Я здесь.

Рассветов

Что случилось?

Комендант

Красный фонарь...

Рассветов

(смотрит в окно)

Гм... да... я вижу...

Лобок

Дьявольская мятьель...

Вероятно, занос.

Комендант

Сейчас узнаем...

(Поезд останавливается. Комендант выбегает.)

Рассветов

Это не станция и не разъезд,

Просто маленькая железнодорожная будка.

Лобок

Мне говорили, что часто здесь

Поезда прозябают по целым суткам.

Ну, а еще я слышал...

Чарин

Что слышал?

Лобок

Что здесь немного шалят.

Рассветов

Глупости...

Лобок

Для кого как.

(Входит комендант.)

Рассветов

Ну?

Комендант

Здесь стрелочник и часовой
Говорят, что отсюда за $1/2$ версты
Сбита рельса.

Рассветов

Надо поправить.

Комендант

Часовой говорит, что до станции
По другой ветке верст 8.
Можно съездить туда
И захватить мастеров.

Рассветов

Отцепляйте паровоз и поезжайте.

Комендант

Это дело 30-ти минут.

(Уходит. Рассветов и другие остаются погруженные в молчание)

ПОСЛЕ 30-ТИ МИНУТ

Красноармеец
(вбегая в салон-вагон)

Несчастье! Несчастье!

Все
(вперебой)

Что такое?..

Что случилось?..

Что такое?

Красноармеец

Комендант убит.

Вагон взорван.

Золото ограблено.

Я ранен.

Несчастье! Несчастье!

(Вбегает рабочий.)

Рабочий

Товарищи! Мы обмануты!

Стрелочник и часовой

Лежат здесь в будке.

Они связаны.

Это провокация бандитов.

Рассветов

За каким вы дьяволом

Увезли с собой вагон?

Красноармеец

Комендант послушался стрелочника...

Рассветов

Мертвый болван!

Красноармеец

Лишь только мы завернули
На этот... другой путь,
Часовой сразу 2 пули
Всадил коменданту в грудь.
Потом выстрелил в меня.
Я упал...
Потом он громко свистнул,
И вдруг, как из-под земли,
Сугробы взрывая,
Нас окружили в приступ
Около двухсот негодяев.
Машинисту связали руки,
В рот запихали платок.
Потом я услышал стуки
И, взрыв, где лежал песок.
Мятель завывала чортом.
В плече моем нить и течь.
Я притворился мертвым
И понял, что надо бечь.

Лобок

Я знаю этого парня,
Что орудует в этих краях.
Он, кажется, родом с Украины
И кличку носит Номах.

Рассветов

Номах?

Лобок

Да. Номах.

(Вбегает второй красноармеец.)

— Красноармеец

Рельсы в полном порядке!
Так что выходит обман...

Рассветов

(хватаясь за голову)

И у него не хватило догадки!..
Мертвый болван!
Мертвый болван!

. . . . .

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О ЧОМ ГОВОРИЛИ НА ВОКЗАЛЕ И В СЛЕДУЮЩИЙ
ДЕНЬ

З а м а р а ш к и н

(один около стола с телефоном)

Если б я не был обижен,
Я, может быть, и не сказал,
Но теперь я отчетливо вижу,
Что он плюнул мне прямо в глаза.

(Входят Рассветов, Лобок и Чекистов.)

Л о б о к

Я же говорил, что это место
Считалось опасным всегда.
Уже с прошлого года

Стало известно,
Что он со всей бандой перебрался сюда.

Р а с с в е т о в

Что мне из того, что ты знал?
Узнай, где теперь он.

Ч е к и с т о в

Ты, Замарашкин, идиот!
Я будто предчувствовал.

Р а с с в е т о в

Бросьте вы к чорту ругаться,—
Это теперь не помога.
Нам нужно одно:
Дознаться,
По каким они скрылись дорогам.

Ч е к и с т о в

Мятель замела все следы.

З а м а р а ш к и н

Пустяки, мы следы отыщем.
Не будем ставить громоздко

Вопрос, где лежат пути.
Я знаю из нашего розыска
Ищейку, каких не найти.
Это шанхайский китаец.
Он коммунист и притом,
Под видом бродяги слоняясь,
Знает здесь каждый притон.

Р а с с в е т о в

Это, пожалуй, дело.

Л о б о к

Как зовут китайца?
Уж не Литза ли Хун?

З а м а р а ш к и н

Он самый!

Л о б о к

О, про него много говорят теперь.
Тогда Номах в наших лапах.

Р а с с в е т о в

Но я думаю... Номах
Тоже не из тетерь...

З а м а р а ш к и н

Он чует самый тонкий запах.

Р а с с в е т о в

Потом ведь нам очень важно
Поймать его не пустым...
Нам нужно вернуть покражу...
Но золото, может, не с ним...

З а м а р а ш к и н

Золото, конечно, не при нем.
Но при слежке вернем и пропажу.
Нужно всех их забрать живьем...
Под кнутом они сами расскажут.

Р а с с в е т о в

Что же: звоните в розыск.

З а м а р а ш к и н

(подходит к телефону)

43-78...

Алло...

43-78?

ПРИВОЛЖСКИЙ ГОРОДОК

Тайный притон с паролем „Авдотья, подними подол“. 2 тайных посетителя. Кабатчица, судомойка и подавщица.

К а б а т ч и ц а

Спирт самый чистый, самый настоящий!

Сама бы пила, да деньги надо.

Милости просим.

Заглядывайте почаще.

Хоть утром, хоть в полночь —

Я всегда вам рада.

(Входят Номах, Барсук и еще 2 повстанца. Номах в пальто и шляпе.)

Б а р с у к

Привет тетке Дуне!

К а б а т ч и ц а

Мое вам почтение, молодые люди.

1-й повстанец

Дай-ка и нам по баночке клюнуть.

С перезябу-то легче, пожалуй, будет.

(Садятся за стол около горячей печки.)

Кабатчица

Сейчас, мои дорогие!
Сейчас, мои хорошие!

Номах

Холод зверский. Но... все-таки
Я люблю наши русские вьюги.

Барсук

Мне все равно. Что вьюга, что дождь...
У этой тетки
Спирт такой,
Что лучше во всей округе не найдешь.

1-й повстанец

Я не люблю вьюг,
Зато с удовольствием выпью.
Когда крутит снег,
Мне кажется —
На птичьем дворе гусей щиплют.
Вкус у меня раздражительный,
Аппетит, можно сказать — неприличный,
А потому я хотел бы положительно
Говядины или птичины.

К а б а т ч и ц а

Сейчас, мои желанные...

Сейчас, сейчас...

(Ставит спирт и закуску.)

Н о м а х

(тихо к кабатчице)

Что за люди... сидят здесь... окол?..

К а б а т ч и ц а

Свои, голубчик,

Свои, мой сокол.

Люди не простого рода,

Знатные-с, сударь,

Я знаю их 2 года.

Посетители — первый класс,

Каких нынче мало.

У меня уж набит глаз

В оценке материала.

Люди ловкой игры.

Оба — спецы по винам.

Торгуют из-под полы

И спиртом и кокаином.

Не беспокойтесь! У них

Язык на полке.

Их ищут самих

Красные волки.
Это дворяне,
Щербатов и Платов.

(Посетители начинают разговаривать.)

Щербатов

Авдотья Петровна!
Вы бы нам на гитаре
Вальс
„Невозвратное время“...

Платов

Или эту... ту, что вчера...

(Напевает)

Все, что было,
Все, что мило,
Все давным-давно
Уплы-ло...

Эх, Авдотья Петровна!
Авдотья Петровна!
Кабы нам назад лет 8,
Старую Русь,
Старую жизнь,
Старые зимы,
Старую осень.

Барсук

Ишь, чего хочет, сволочь!

1-й повстанец

М-да-с...

Щербатов

Невозвратное время! Невозвратное время!

Пью за Русь!

Пью за прекрасную,

Прошедшую Русь.

Разве нынче народ пошел?

Разве племя?

Подлец на подлеце

И на трусе трус.

Отцвело навсегда

То, что было в стране благородно.

Золотые года!

Ах, Авдотья Петровна!

Сыграйте, Авдотья Петровна,

Вальс,

Сыграйте нам вальс

„Невозвратное время“.

Кабатчица

Да, родимые, да, сердешные!

Это не жизнь, а сплошное безобразие.

Я ведь тоже была
Дворянка здешняя
И училась в первой
Городской гимназии.

П л а т о в

Спойте! Спойте, Авдотья Петровна!
Спойте „Все, что было“...

К а б а т ч и ц а

Обождите, голубчики,
Дайте с посудой справиться.

Щ е р б а т о в

Пожалуйста. Пожалуйста!

П л а т о в

Пожалуйста, Авдотья Петровна!

(Через кухонные двери появляется китаец.)

К и т а е ц

Ниет Амиэрика,
Ниет Евыропе.
Опий, опий,

Сыамый лычий опий.
Шанго курил,
Диеньги дыавал,
Сыам лиубил,
Есыли б не сытрадал.
Куришь, колица виюца,
А хыто пыривык,
Зыабыл ливарюца,
Зыабыл большевик.
Ниет Амиэрика,
Ниет Евыропе
Опий, опий,
Сыамый лычий опий.

Щербатов

Эй, ходя! Давай 2 трубки.

Китаец

Диеньги пирёт.
Хыодя очинь бедыный.
Тывой шибыко живет,
Мой очень быледный.

Подавщица

Куришь на кухню.

Щербатов

На кухню, так на кухню.

(Покачиваясь, идет с Платовым на кухню. Китаец за ними.)

Номах

Ну, и народец здесь.
О всех веревка плачет.

Барсук

М-да-с...

1-й повстанец

Если так говорить,
То значит,
В том числе и о нас.

Барсук

Разве ты себя считаешь негодяем?

1-й повстанец

Я не считаю,
Но нас считают.

2-й повстанец

Считала лисица
Ворон на дереве.

(К столику подходит подавщица.)

Подавщица

Сегодня в газете...

Номах

Что в газете?

Подавщица

(тихо)

Пишут, что вы разгромили поезд,
Убили коменданта и красноармейца.
За вами отправились в поиски.
Говорят, что поймать надеются.
Обещано 1000 червонцев.
С описанием ваших примет:
Блондин.
Среднего роста.
28-ми лет.

(Отходит.)

Номах

Ха-ха!

Замарашкин не выдержал.

Барсук

Я говорил, что его нужно было
Прикончить, и дело с концом.
Тогда б ни одно рыло
Не знало,
Кто справился с мертвецом.

Номах

Ты слишком кровожаден.
Если б я видел,
То и этих двоих
Не позволил убить...
Зачем?
Ведь так просто
Связать руки
И в рот платок.

Барсук

Нет! Это не так уж просто.
В живом остается протест.
Молчат только те — на погостах,
На ком крепкий камень и крест.
Мертвый не укусит носа,
А живой...

Номах

Кончим об этом.

1-й повстанец

Два вопроса...

Номах

Каких?

1-й повстанец

Куда деть слитки
И куда нам?

Номах

Я сегодня в 12 в Киев.
Паспорт у меня есть.
Вас не знают, кто вы такие,
Потому оставайтесь здесь...
Телеграммой я дам вам знать,
Где я буду...
В какие минуты...
Обязательно тыщ 25
На песок закупить валюты.
Пусть они поумерят прыть —
Мы мозгами немного побольше...

Барсук

Остальное зарыть?

Номах

Часть возьму я с собой,
Остальное пока зарыть...
После можно отправить в Польшу.
У меня созревает мысль
О российском перевороте,
Лишь бы только мы крепко сошлись,
Как до этого, в нашей работе.
Я не целюсь играть короля
И в правители тоже не лезу,
Но мне хочется погулять
И под порохом и под железом.
Мне хочется вызвать тех,
Что на Марксе жиреют, как янки.
Мы посмотрим их храбрость и смех,
Когда двинутся наши танки.

Барсук

Замечательный план!

1-й повстанец

Мы всегда готовы.

2-й повстанец

Я как-то отвык без войны.

Барсук

Мы все по ней скучаем.
Стало тошно до чортиков
Под юбкой сидеть у жены
И живот напузыривать чаем.
Денег нет, чтоб пойти в кабак,
Сердце ж спиртику часто хочет.
Я от скуки стал нюхать табак —
Хоть немного в носу щекочет.

Номах

Ну, а теперь пора.
До 12 четверть часа.

(Бросает на стол два золотых.)

Барсук

Может быть, проводить?

Номах

Ни в коем случае.

Я выйду один

(Быстро прощается и уходит. Из кухни появляется китаец и неторопливо выходит вслед за ним. Опьяневшие посетители садятся на свои места. Барсук берет шапку, кивает товарищам на китайца и выходит тоже.)

Щербатов

Слушай, Платов!

Я совсем ничего не чувствую.

Платов

Это виноват кокаин.

Щербатов

Нет, это не кокаин.

Я, брат, не пьян.

Я всего лишь одну понюшку.

По-моему, этот китаец

Жулик и шарлатан!

Ну, и народ пошел!

Ну, и племя!

Ах, Авдотья Петровна!

Сыграйте нам, Авдотья Петровна, вальс...

Сыграйте нам вальс

„Невозвратное время“.

(Тычется носом в стол. Платов тоже. Повстанцы молча продолжают пить. Кабатчица входит с гитарой. Садится у стойки и начинает настраивать.)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НА ВОКЗАЛЕ N

Рассветов и Замарашкин. Вбегает Чекистов.

Чекистов

Есть! Есть! Есть!
Замарашкин, ты не брехун!
Вот телеграмма,
„Я Киев. Золото здесь.
Нужен ли арест.
Литза-Хун“.

(Передает телеграмму Рассветову.)

Рассветов

Все это очень хорошо,
Но что нужно ему ответить?

Чекистов

Как что?

Конечно, взять на цугундер!

Рассветов

В этом мало радости —

Уничтожить одного,

Когда на свободе

Будет 200 других.

Чекистов

Других мы поймаем потом.

С другими успеем после...

Они ходят

Из притона в притон,

Пьют спирт и играют в кости.

Мы возьмем их в любом кабаке.

В них одних, без Номаха,

Толку мало.

А пока

Нужно крепко держать в руке

Ту добычу,

Которая попала.

Рассветов

Теперь он от нас не уйдет,
Особенно при сотне нянек.

Чекистов

Что ему няньки?
Он их сцапает в рот,
Как самый приятный
И легкий пряник.

Рассветов

Когда будут следы к другим,
Мы возьмем его в 2 секунды.
Я не знаю, с чего вы
Вдолбили себе в мозги —
На цугундер да на цугундер.
Нам совсем не опасен
Один индивид,
И скажу вам, коллега, вкратце,
Что всегда лучше
Отыскивать нить
К общему центру организации.
Нужно мыслить без страха.
Послушайте, мой дорогой:
Мы уберем Номаха,

Но завтра у них будет другой.
Дело совсем не в Номахе,
А в тех, что попали за борт.
Нашей веревки и плахи
Ни один не боится чорт.
Страна негодует на нас.
В стране еще дикие нравы.
Здесь каждый Аким и Фанас
Бредит имперской славой.
Еще не изжит вопрос,
Кто ляжет в борьбе из нас.
Честолюбивый Росс
Отчизны своей не продаст.
Интернациональный дух
Прет на его рожон.
Мужик если гневен не вслух,
То завтра придет с ножом.
Повстанчество есть сигнал.
Поэтому сказ мой весь:
Тот, кто крыло поймал,
Должен всю птицу съесть.

Чекистов

Клянусь всеми чертями,
Что эта птица

Даст вам крылом по морде
И улетит из-под носа.

Р а с с в е т о в

Это не так просто.

З а м а р а ш к и н

Для него будет —
Пожалуй, очень просто.

Р а с с в е т о в

Мы усилим надзор
И возьмем его,
Как мышь в мышеловку.
Но только тогда этот вор
Получит свою веревку,
Когда хоть бандитов сто
Будет качаться с ним рядом,
Чтоб чище синел простор
Коммунистическим взглядам.

Ч е к и с т о в

Слушайте, товарищ!
Это превышение власти —
Этот округ вверен мне.
Мне нужно поймать преступника,
А вы разводите теорию.

Р а с с в е т о в

Как хотите, так и называйте.

Но

Чтоб больше наш спор

Не шол о том,

Мы сегодня ж дадим ответ.

„Литза-Хун!

Наблюдайте за золотом.

Больше приказов нет“.

(Чекистов быстро поворачивается, хлопает дверью и выходит
в коридор.)

В К О Р И Д О Р Е

Ч е к и с т о в

Тогда я поеду сам.

К И Е В

Хорошо обставленная квартира. На стене большой, во весь рост, портрет Петра Великого. Номах сидит на крыле кресла, задумавшись. Он, повидимому, только что вернулся. Сидит в шляпе. В дверь кто-то барабанит пальцами. Номах, как бы пробуждаясь от дремоты, идет осторожно к двери, прислушивается и смотрит в замочную скважину.

Н о м а х

Кто стучит?

Г о л о с

Отворите... Это я...

Н о м а х

Кто вы?

Г о л о с

Это я... Барсук...

Н о м а х

(отворяя дверь)

Что это значит?

Б а р с у к

(входит и закрывает дверь)

Это значит — тревога.

Н о м а х

Кто-нибудь арестован?

Б а р с у к

Нет.

Н о м а х

В чем же дело?

Б а р с у к

Нужно быть наготове,
Немедленно нужно в побег.

За вами следят.
Вас ловят.
И не вас одного, а всех.

Номах

Откуда ты узнал это?

Барсук

Конечно, не высосал из пальцев.
Вы помните тот притон?

Номах

Помню.

Барсук

А помните одного китайца?

Номах

Да...

Но неужели...

Барсук

Это он.

Лишь только тогда вы скрылись,
Он последовал за вами.

Через несколько минут
Вышел и я.
Я видел, как вы сели в вагон,
Как он сел в соседний.
Потом осторожно, за золотой —
Кондуктору,
Сел я сам.
Я здесь, как и вы,
Дней 10.

Номах

Посмотрим, кто кого перехитрит?

Барсук

Но это еще не все.
Я следил за ним, как лиса,
И вчера, когда вы выходили
Из дому,
Он был более полчасика
И рылся в вашей квартире.
Потом он, свистя под нос,
Пошел на вокзал...
Я — тоже.
Предо мной стоял вопрос —
Узнать:

Что хочет он, чорт желтокожий...
И вот... на вокзале...
Из-за спины
На синем телеграфном бланке
Я прочол,
Еле сдерживаясь от мести,
Я прочол —
От чего у меня чуть не скочили штаны, —
Он писал, что вы здесь,
И спрашивал об аресте.

Номах

Да... Это немного пахнет...

Барсук

По-моему, не немного, а очень много.
Нужно скорей в побег.
Всем нам одна дорога —
Поле, леса и снег,
Пока доберемся к границе,
А там нас лови!
Грози!

Номах

Я не привык торопиться,
Когда вижу опасность вблизи.

Барсук

Но это...

Номах

Безумно?

Пусть будет так.

Я —

Видишь ли, Барсук —

Чудак.

Я люблю опасный момент,

Как поэт — часы вдохновенья, —

Тогда бродит в моем уме

Изобретательность

До остервененья.

Я ведь не такой,

Каким представляют меня кухарки.

Я весь — кровь,

Мозг и гнев весь я.

Мой бандитизм особой марки.

Он осознание, а не профессия.

Слушай! я тоже когда-то верил

В чувства —

В любовь, геройство и радость,

Но теперь я постиг, по крайней мере,

Я понял, что все это

Сплошная гадость.

Долго валялся я в горячке адской,
Насмешкой судьбы до печенок израненный.
Но... Знаешь ли...
Мудростью своей кабацкой
Все выжигает спирт с бараниной...
Теперь, когда судорога
Душу скрючила,
И лицо как потухающий фонарь в тумане,
Я не строю себе никакого чучела.
Мне только осталось —
Озорничать и хулиганить...

. . . . .
Всем, кто мозгами бедней и меньше,
Кто под ветром судьбы не был нищ и наг,
Оставляю прославлять города и женщин,
А сам буду славить
Преступников и бродяг.

. . . . .
Банды! банды!
По всей стране,
Куда ни взглядишь, куда ни пойдешь ты —
Видишь, как в пространстве,
На конях
И без коней,
Скачут и идут закостенелые бандиты.

Это все такие же
Разуверившиеся, как я...

.....

А когда-то, когда-то...

Веселым парнем,

До костей весь пропахший

Степной травой,

Я пришел в этот город с пустыми руками,

Но зато с полным сердцем

И не пустой головой.

Я верил... я горел...

Я шол с революцией,

Я думал, что братство не мечта и не сон,

Что все во единое море сольются,

Все сонмы народов

И рас и племен.

.....

Но к чорту все это!

Я далек от жалоб.

Коль началось —

Так пускай начинается.

Лишь одного я теперь желаю,

Как бы покрепче...

Как бы покрепче

Одурачить китайца!..

Барсук

Признаться меня все это,
Кроме побега,
Плохо устраивает.

(Подходит к окну.)

Я хотел бы...

О! Что это? Боже мой!
Номах! Мы окружены!
На улице милиция!

Номах

(подбегает к окну)

Как?

Уже?

О! Их всего четверо...

Барсук

Мы пропали.

Номах

Скорей выходи из квартиры!

Барсук

А ты?

Номах

Не разговаривай!..

У меня есть ящик стекольщика

И фартук...
Живей обрядись
И спускайся вниз...
Будто вставлял здесь стекла...
Я положу в ящик золото...
Жди меня в кабаке „Луна“.

Бежит в другую комнату, тащит ящик и фартук. Барсук быстро подвязывает фартук. Кладет ящик на плечо и выходит.)

Номах

(прислушиваясь у двери)

Кажется, остановили...

Нет... прошел...

Ага...

Идут сюда...

(Отскакивает от двери. В дверь стучат. Как бы раздумывая, немного медлит. Потом неслышными шагами идет в другую комнату.)

СЦЕНА ЗА ДВЕРЬЮ

Чекистов, Литза-Хун и 2 милиционера.

Чекистов

(смотря в скважину)

Что за чорт!

Огонь горит,

Но в квартире
Как будто ни души.

Литза - Хун

(с хорошим акцентом)

Это его прием...
Всегда... Когда он уходил,
Я был здесь, когда его не было,
И так же горел огонь.

1-й милиционер

У меня есть отмычка.

Литза - Хун

Давайте мне...

Я вскрою...

Чекистов

Если его нет,
То надо устроить засаду.

Литза - Хун

(вскрывая дверь)

Сейчас узнаем...

(Вынимает браунинг и заглядывает в квартиру.)

Тс... Я сперва один.

Спрячьтесь на лестнице.

Здесь ходят
Другие квартиранты.

Чекистов
Лучше вдвоем.

Литза-Хун
У меня бесшумные туфли...
Когда понадобится,
Я дам свисток или выстрел.

(Входит в квартиру и закрывает дверь.)

ГЛАЗА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Осторожными шагами Литза-Хун идет к той комнате, в которой скрылся Номах. На портрете глаза Петра Великого начинают моргать и двигаться. Литза-Хун входит в комнату. Портрет неожиданно открывается, как дверь, оттуда выскакивает Номах. Он рысьими шагами подходит к двери, запирает на цепь и снова исчезает в портрет-дверь. Через некоторое время слышится беззвучная короткая возня, и с браунингом в руке из комнаты выходит китаец. Он делает световой полумрак. Открывает дверь и тихо дает свисток. Вбегают милиционеры и Чекистов.

Чекистов
Он здесь?

Китаец

(прижимая в знак молчания палец к губам.)

Тс... он спит...
Стойте здесь...

Нужен один милиционер,
К черному выходу.

(Берет одного милиционера и крадучись проходят через комнату к черному выходу. Через минуту слышится выстрел, и испуганный милиционер бежит обратно к двери.)

Милиционер

Измена!

Китаец ударил мне в щоку

И удрал черным ходом.

Я выстрелил...

Но... дал промах...

Чекистов

Это он!

О! проклятье!

Это он!

Он опять нас провел.

(Вбегают в комнату и выкатывают оттуда в кресле связанного по рукам и ногам. Рот его стянут платком. Он в нижнем белье. На лицо его глубоко надвинута шляпа. Чекистов сбрасывает шляпу, и милиционеры в ужасе отскакивают.)

Милиционеры

Провокация!...

Это Литза-Хун...

Чекистов

Развяжите его...

(Милиционеры бросаются развязывать.)

Литза-Хун

(выпихивая освобожденными руками платок изо рта)

Чорт возьми!

У меня болит живот от злобы.

Но клянусь вам...

Клянусь вам именем китайца,

Если б он не накинуд на меня мешок,

Если б он не выбил мой браунинг,

То бы...

Я сумел с ним справиться...

Чекистов

А я... Если б был мандарин,

То повесил бы тебя, Литза-Хун,

За такое место...

Которое вслух не называется.

1922—1923

ЧОРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен!
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Чорный человек,
Чорный, чорный,
Чорный человек
На кровать ко мне садится,

Чорный человек
Спать не дает мне всю ночь.

Чорный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусава надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Чорный человек,
Чорный, чорный!
— Слушай, слушай, —
Бормочет он мне, —
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.

В декабре в той стране
Снег до дьявола чист,
И метели заводят
Веселые прялки.
Был человек тот авантюрист,

Но самой высокой
И лучшей марки.

Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою.

„Счастье, — говорил он, —
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.

В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно
Казаться улыбчивым и простым —
Самое высшее в мире искусство“.

— Чорный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта!
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай.

Чорный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой, —
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.

. . . . .

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Ночь морозная.
Тих покой перекрестка.
Я один у окошка,
Ни гостя, ни друга не жду.
Вся равнина покрыта
Сыпучей и мягкой известкой,
И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду.

Где-то плачет
Ночная зловещая птица.
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук.
Вот опять этот черный
На кресло мое садится,
Приподняв свой цилиндр
И откинув небрежно сюртук.

— Слушай, слушай! —
Хрипит он, смотря мне в лицо,
Сам все ближе
И ближе клонится, —
Я не видел, чтоб кто-нибудь
Из подлецов
Так ненужно и глупо
Страдал бессонницей.

Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой мирику?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет „она“,
И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую —
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...

И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою.

— Чорный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится.
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

. . . . .
...Месяц умер.
Синеет в окошко рассвет.
Ах, ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...

14 ноября 1925 г.

СОДЕРЖАНИЕ

---

1. Пугачов	5
2. Анна Снегина	61
3. Песнь о великом походе	97
4. Поэма о 36	125
5. Страна негодяев	147
6. Черный человек	221

CONFIDENTIAL

13
14
15
16
17

CONFIDENTIAL
SECRET

2631/11/23

~~2500~~

2400

nos-

(Faint, illegible handwritten text)

1250
2338/926

1926

2 руб.

Р